

INSPIRIA

Б
Е
Г
Л
Я
Н
К
А

ЛАЙЗА ЛУТЦ

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. США

Лайза Лутц

Беглянка

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Лутц Л.

Беглянка / Л. Лутц — «Эксмо», 2016 — (Ток. Национальный бестселлер. США)

ISBN 978-5-04-180895-2

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES. ВЫБОР AMAZON И GOODREADS. Муж Тани Дюбуа лежит мертвым у лестницы. И она знает, что делать. Обналичить карты. Перекрасить волосы. Добиться ничем не примечательной внешности. А главное – позвонить по телефону и заставить глубокий таинственный голос на другом конце линии дать ей новую личность. Она знает все это, потому что такое случается с ней не впервые. И вот никакой больше Тани. Теперь от преследующей ее по пятам мучительной тайны бежит новая личина: Амелия Кин. Пока не наткнется на барменшу по имени Блю, которая сразу распознает в ней беглянку, меняющую имена, облики, привычки, машины и города как перчатки. Ведь Блю и сама такая. Женщины заключают странный и опасный союз – меняются своими нынешними идентичностями. Но поможет ли это оторваться от их жуткого прошлого и наконец остановиться? «Вот ради таких напряженных историй с сильными персонажами и придуман термин "пейдж-тернер"». – Boston Globe «Лабиринт неожиданных поворотов и вывертов». – Chicago Tribune «Темный, прекрасно написанный, умный роман». – USA Today «Великолепная концовка заставляет читателя переосмыслить книгу и немедленно вернуться для этого к ее началу». – Library Journal «В сущности, это роман об идентичности, о зыбкой границе между тем, как мы воспринимаем себя, и тем, как нас воспринимают другие». – Kirkus Reviews «Сплетенная Лутц сложная сеть отлично выписанных персонажей заставит вас безостановочно листать страницы». – Publishers Weekly

УДК 821.161.1-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-180895-2

© Лутц Л., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Таня Дюбуа	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Амелия Кин	20
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	39
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лайза Лутц

Беглянка

Lisa Lutz

THE PASSENGER

Copyright © 2016 by Spellman Enterprises, Inc. This edition published by arrangement with Levine Greenberg Rostan Literary Agency and Synopsis Literary Agency

© Тора С., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Мистеру В. и мистеру D.

И миз¹ С.

¹ Миз – нейтральное обращение к женщине, не подчеркивающее возраст и семейное положение.

Таня Дюбуа

Глава 1

Найдя мужа у нижней ступеньки, я попыталась оказать ему первую помощь и лишь потом решила избавиться от тела. Я надавливала на его бочкообразную грудь и делала искусственное дыхание. Впервые за многие годы я не отпрянула, когда его багровые губы коснулись моих.

Я сдалась через десять минут. Фрэнк Дюбуа покинул этот мир. Он лежал у лестницы так мирно и тихо, что походил на спящего; хотя при жизни спал шумнее, чем бодрствовал. Честно говоря, знай я заранее, каким храпуном он станет, никогда не вышла бы за него замуж. Впрочем, я не вышла бы за него снова, даже если б он во сне не издавал ни звука. Будь у меня возможность обратить время вспять, я бы многое сделала по-другому. Но тогда, глядя на непривычно молчаливого и неподвижного Фрэнка, подумала, что сожалеть уже поздно. Налив в стакан его любимого бурбона для особых случаев, я села в его любимое кресло с замшевой обивкой и выпила в память об усопшем.

Если вам интересно, я его не убивала. К смерти Фрэнка я не имею ни малейшего отношения. Алиби у меня нет, так что придется поверить мне на слово. Когда он скончался, я принимала душ. Насколько я могу судить, он просто упал с лестницы. В последнее время у него то и дело кружилась голова. Весьма удобно, знаю. К тому же он вряд ли на это кому-то жаловался. Возможно, если б я вызвала полицию и рассказала правду, все продолжили бы жить как обычно. Ну, все, кроме Фрэнка, разумеется.

Я налила себе еще бурбона и стала обдумывать варианты. Первым моим порывом было избавиться от тела. Объяснить его исчезновение тем, что Фрэнк ушел к другой женщине. Или скрывается из-за долгов. Все прекрасно знали, как он любил карты, не имея к игре никакого таланта.

Я решила проверить свои силы – получится ли хотя бы сдвинуть Фрэнка с места? Я взялась за его опухшие ноги с мозолистыми ступнями – как же я их ненавидела! Зачем взрослому человеку стричь ногти на ногах, верно?.. И, не протаскивая тело даже полметра, бросила свою затею. Фрэнк сильно прибавил в весе за последний год, да и будь он легче перышка, я не представляла, где спрятать труп. Тогда-то и заметила у него на голове подозрительный кровавый отпечаток в форме вопросительного знака. Вероятно, я смогла бы оправдаться, если б позвонила в полицию и осталась в доме. Но меня бы начали рассматривать под лупой, а я не люблю пристальных взглядов.

Я попыталась представить себя на суде: ни капли макияжа, волосы собраны в пучок, как у учительницы, в скромном платье с цветочным узором, с воротничком с закругленными концами, стараюсь всем видом демонстрировать невинность – а лицо каменное и глаза сухие, как пустыня. Едва ли я смогу выжать из себя хоть слезинку и вызвать у судьи сочувствие. Сильные эмоции мне больше недоступны. Фрэнку это нравилось. Хотя были времена, когда я умела плакать – в какой-то прошлой жизни...

Сидя в кресле Фрэнка и потягивая бурбон, я лишь притворялась, что обдумываю возможности. На самом деле выход у меня был только один.

Фрэнк держал в ящике с инструментами записку на карты – чуть больше двенадцати сотен долларов. Я быстро собрала вещи, как для недолгой поездки, и положила чемодан в багажник пикапа «Шевроле».

Не считая Фрэнка, я покидала всего двоих: Кэрл из бара и доктора Майка.

Доктор Майк считался лучшим мануальным терапевтом во всем Ватерлоо, штат Висконсин. Достичь таких высот не составило труда, поскольку конкурент был один. Доктор Майк

начал практиковать три года назад, когда доктор Билл ушел на пенсию. А у меня после аварии возникли проблемы со спиной. С доктором Биллом мы встречались пару раз в месяц; к доктору Майку я ходила чаще. Стоило ему прикоснуться к моей спине, как меня словно током ударило, будто я впервые за много лет очнулась от сна. Я пришла на сеанс через неделю, и все повторилось. Потом пришла еще через неделю. А когда я пропустила очередную встречу, доктор Майк заглянул в бар, чтобы справиться о моем самочувствии. Фрэнк уехал на рыбалку, и доктор Майк предложил мне провести сеанс в частном порядке. И мы слегка вышли за рамки.

Беспокоить Кэрол в такой поздний час я не могла – боялась разбудить ее детей. Решила, что при случае отправлю ей открытку.

Мой мануальный терапевт принимал пациентов в офисе на первом этаже своего дома – стоявшего в лучшем районе города трехэтажного особняка в стиле королевы Анны. Разумнее всего было немедленно бежать, пока в запасе оставалось несколько драгоценных часов, когда мир еще не заметил отсутствия Фрэнка. Однако с этим миром меня связывало не так уж много – в том числе доктор Майк.

Я подъехала к его дому, вышла из пикапа и достала из-под камня запасной ключ. Затем отперла дверь и проскользнула в спальню. Доктор Майк во сне издавал мурлыкающие звуки, совсем как сиамский кот, который был у меня в детстве. Двигался доктор Майк тоже по-кошачьи. Проснувшись, он вытягивал свои длинные руки и ноги, чередуя неторопливые движения с быстрыми и резкими. Я сняла одежду и забралась к нему в кровать.

Доктор Майк проснулся и обнял меня.

– Вы на сеанс? – сказал он.

– Угу.

Наша общая шутка. Он поцеловал меня в шею, в губы, а потом перевернулся на спину и стал ждать, когда я начну. Он всегда так поступал – между нами никогда ничего не происходило, если я того не хотела. Да, я все начала, затем продолжила, а теперь должна была закончить.

У нас с доктором Майком не было большой любви. Я приходила к нему, чтобы забыться. Рядом с доктором Майком я забыла о Фрэнке, о своем побеге и о том, кем я была раньше.

Когда мы закончили, Майк принялся массировать мне спину, ставя на место позвонки.

– Ты вся напряжена. Что случилось? Ты что-то натворила?

– Возможно, – ответила я.

Доктор Майк перевернул меня на спину.

– В тебе что-то изменилось.

– И очень вовремя, правда?

Слишком долго я чувствовала себя пылинкой, застывшей в кубике льда. Мне давно следовало перетряхнуть свою жизнь, не дожидаясь смерти Фрэнка.

Взглянула на часы – немного за полночь. Пора уходить. Я быстро оделась.

– Это последний раз, верно? – Доктор Майк смотрел на меня изучающе.

Понятия не имею, как он догадался.

– В ближайшие несколько дней до тебя, вероятно, дойдут слухи обо мне. Знай, что все это неправда. Позже появятся другие слухи. Большинство из них тоже будут неправдой, – сказала я и поцеловала его на прощанье.

* * *

Чтобы заправить пикап, я проехала почти пятьдесят километров. У меня была одна дебетовая банковская карта и одна кредитка, я сняла по двести долларов с каждой. Проехав еще километров тридцать, выпила на заправке чашку крепкого кофе и сняла еще по две сотни. Фрэнк всегда отличался скупостью. Для меня он открыл банковский счет и завел кредитную

карту, однако денег на них не хватило бы даже на приличный отпуск. Я остановилась у супермаркета, сняла еще четыреста долларов и выбросила карточки в мусорный бак позади здания. Теперь у меня были две тысячи четыреста долларов и пикап «Шевроле», от которого в ближайшее время предстояло избавиться. Почему я не начала откладывать деньги, как только получила ключ от кассы? Следовало догадаться, что этот день рано или поздно наступит.

В машине пахло моим мужем – или уже бывшим мужем? Или я нынче вдова? Надо выбрать. Думаю, я могла бы стать просто незамужней. В любом случае я открыла в пикапе все окна, чтобы запах Фрэнка выветрился.

Я свернула на трассу I-39, и Висконсин вскоре остался позади. Несколько часов я ехала по Иллинойсу, пока не увидела указатель I-80, который определенно должен был меня направить куда надо. Конкретный маршрут я не составляла, поэтому повернула на запад, главным образом чтобы встающее солнце не слепило глаза. Ведь я планировала ехать до самого рассвета.

Музыку в дорогу я не взяла, и пришлось слушать проповедников по местному радио. Эту станцию я поймала, когда неслась по холмам Айовы. Уже стемнело настолько, что невозможно было разглядеть ни силуэты голых деревьев, ни сероватый снег, составляющих монотонный февральский пейзаж.

Проповедник из Айовы, развлекавший меня в первой половине путешествия, перечислял семь признаков Антихриста. Одним из них было внешнее сходство с Христом. Прислушавшись, я сквозь помехи разобрала еще пару подсказок. Он обычно красив и обаятелен, умеет цветисто говорить. А потом я потеряла сигнал. Теперь, если встречу Антихриста, даже не смогу его опознать.

Я переключилась на другую станцию – еще один проповедник рассказывал о прощении. Меня эта тема не слишком интересует. Я выключила радио и ехала дальше под свист ветра и шуршание колес по асфальту, а фары встречных машин подмигивали и исчезали где-то за пределами бокового зрения.

Мне вспомнился день нашего с Фрэнком знакомства. Я приехала в город всего пару недель назад и надеялась найти хоть какую-нибудь работу. Однажды зашла в бар, названный его фамилией: Дюбуа. Иногда я думаю, что вышла за Фрэнка только ради этой фамилии. Как звучит Таня Питтс, мне никогда не нравилось. Таня Дюбуа, несомненно, сделала шаг вперед.

Тогда Фрэнк был полон жизненной энергии, которая у меня отсутствовала напрочь, так что мы отлично спелись. Он дал мне первую настоящую работу. Я научилась наливать пиво, затем смешивать коктейли, хотя на них в нашем скромном заведении спрос невелик. А больше меня и Фрэнка ничего не роднило. Детей у нас не было. Я сама заботилась о том, чтобы их не было.

Просидев за рулем всю ночь, я оказалась недалеко от Линкольна, штат Небраска. Самое время сделать перерыв и избавиться от пикапа. Нашла магазин подержанных автомобилей и обменяла двухлетний «Шевроле Сильверадо» Фрэнка на семилетний «Бьюик Регал» с доплатой в тысячу семьсот долларов. Конечно, меня надули, но я решила не привлекать внимания. В любом случае на «Бьюике» мне тоже ездить недолго. Километров через пятнадцать обнаружился городок под названием Милфорд, а в нем – мотель под названием «Мотель», всем своим видом показывавший, что наличные там горячо приветствуются. Поскольку удостоверение личности я якобы потеряла, с меня взяли дополнительную плату, и я зарегистрировалась как Джейн Грин.

Я забылась сном на целых восемь часов. Разве виновный в убийстве смог бы столько проспать? А проснулась я от сильного голода, уже переходящего в тошноту. Выйдя на балкон своего номера 14 на втором этаже, оперлась на ограждение и оглядела город, в который меня занесло. Вряд ли балкон соответствовал строительным нормам, кстати. Я шагнула назад в комнату и тут заметила красную неоновую вывеску закусочной.

В номере я умылась и по дороге к выходу напредила себе: «Сейчас ты Джейн Грин. Забуди, кем ты была раньше».

В восемь часов вечера от обеденных очередей не осталось и следа, поэтому я заняла место в кабинке – сидя за стойкой, здесь наверняка принято разговаривать с соседями. Сейчас я едва ли смогу поддержать беседу, ведь моя жизнь как чистый лист. Отложу болтовню на потом.

Официантка по имени Карла шлепнула на стол меню.

– Принести вам что-нибудь из напитков?

– Кофе, – ответила я. – Черный.

– Сначала сделайте пробный глоток. – Она налила кофе. – Дам вам минутку, чтобы посмотреть меню.

Она была права. Этот кофе просто так не выпьешь. Я щедро сдобрила его сливками и сахаром. И он все равно выигрывал битву. Я полистала меню, пытаюсь выбрать что-нибудь по настроению. Мне вдруг пришло в голову: а ведь у Джейн Грин вкусы могут оказаться не такими, как у Тани Дюбуа. Но поскольку одежда и прическа еще не поменялись, мне, наверное, под силу продержаться денек на том, что любит Таня. Джейн Грин пока была лишь оболочкой, в которой я однажды должна переродиться.

– Выбрали, дорогая? – спросила Карла.

– Яблочный пирог и картофель фри, – ответила я.

– Девчонка что надо, – сказала Карла, быстро шагая прочь в своих удобных туфлях, как у медсестры.

Я наблюдала, как она заводит разговор с дальнотойщиком, склонившимся над мясным рулетом. Парень пробурчал что-то неразборчивое, а Карла прищурилась и решительно заявила:

– Солнышко, тебе пора переходить на антидепрессанты. Да-да, тебе нужны таблетки счастья. Когда войдешь в эту дверь в следующий раз, я хочу видеть улыбку на твоей симпатичной мордашке. Слышишь меня? Видел объявление? Мы имеем право отказать клиенту в обслуживании.

– Карла, оставь беднягу в покое! – раздался из кухни мужской голос.

– Не суй нос в чужие дела, Дюк! – крикнула в ответ Карла.

Затем она подлила кофе в несколько чашек, называя посетителей душками и милашками, и посмеялась над совершенно несмешной шуткой. Неплохо бы стать такой Карлой ненадолго. Примерить и посмотреть, вдруг мне подойдет...

Я умяла пирог и картошку с такой скоростью, что даже Карла впечатлилась.

– Не каждый дальнотойщик весом в сто пятьдесят килограммов управился бы так быстро. Судя по всему, вы изрядно оголодали.

– Да, – сказала я. Люблю короткие ответы.

Я заплатила по счету и вышла на улицу города, который едва заслуживал упоминания на карте. В магазинчике купила шампунь, зубную щетку и пасту, краску для волос каштанового и темно-коричневого цвета, а еще одноразовый мобильный телефон.

Кассир, мужчина средних лет, на бейджике которого значилось имя Гордон, посчитал сумму и объявил:

– За все пятьдесят восемь долларов и тридцать четыре цента.

Я заплатила наличными. Уходя, почему-то бросила ему ненароком:

– Спасибо, дорогой. Хорошего дня.

Это прозвучало так чужеродно, что я чуть не вздрогнула от неожиданности.

* * *

По дороге в мотель я нашла магазин алкоголя и купила бутылку любимого бурбона Фрэнка. Хотела утопить в нем свои воспоминания. Снова расплатилась наличными и поблагодарила продавца обычным «спасибо».

Вернувшись в номер, где на ночь включили грохочущий обогреватель, я разложила на кровати добычу и стала думать, что делать дальше. Впрочем, я давно знала ответ, только не хватало смелости. Плеснув бурбона в стакан, я достала из сумки записную книжку. Потребовался глубокий вдох и несколько тренировочных «здравствуйте». Затем я набрала номер.

– «Оливер и Мид констракшн», – ответил секретарь.

– Я хотела бы поговорить с мистером Роландом Оливером.

– Могу я узнать, кто его спрашивает?

– Нет. Но, уверяю вас, он точно не откажется со мной поговорить.

– Оставайтесь на линии.

Послышался щелчок, а потом из трубки полилась соната Бетховена. Секретарь вернулся через добрых две минуты.

– Боюсь, мистер Оливер сейчас очень занят. Вы не представитесь?

Называть свое имя мне не хотелось, но другого выхода не было.

– Скажите мистеру Оливеру, что звонит его давняя подруга Таня.

На этот раз успело прозвучать лишь несколько тактов Бетховена, прежде чем раздался глубокий голос мистера Оливера.

– Кто это? – спросил он.

– Таня Питтс, – прошептала я. Он молчал. Я слышала его тяжелое дыхание. – Мне нужна ваша помощь.

– Не надо было сюда звонить.

– Лучше было сразу оставить сообщение для вашей жены?

– Чего ты хочешь?

– Услугу.

– Какую услугу?

– Мне нужно новое имя.

– А что случилось с нынешним?

– Оно мне больше не подходит. У вас наверняка есть какой-нибудь полезный знакомый для такого случая.

– Есть.

– Нужна чистая личность, и чтобы имя было красивее старого, и я не против помолодеть на пару лет, если возможно.

Тане Дюбуа скоро тридцать. А я еще не готова к тридцатилетию.

– Я не могу выдавать тебе документы по первому звонку.

– А вы постарайтесь.

– Как с тобой связаться?

– Я сама выйду на связь. О, и еще мне понадобятся деньги. Если вы не против, две тысячи меня устроили бы.

– Ты же не доставишь неприятностей на этот раз, мисс Питтс?

Использовал фамилию как оружие. Он знает все мои болевые точки.

– Лучше пять тысяч, – сказала я.

Могла бы получить и больше – за много лет я не попросила у мистера Оливера ни цента и, честно говоря, гордилась этим.

– Где ты? – спросил он.

– Я выйду на связь.

– Подожди. Как ты вообще?

Могу поклясться, что в его голосе звучала неподдельная тревога, словно ему было не все равно. Однако я знала правду.

– До свидания, мистер Оливер.

Глава 2

На следующий день я поехала по шоссе 81 на юг до трассы I-35, пересекая Оклахому. Около половины третьего добралась до городишки под названием Норман и остановилась в гостинице «Лебединое озеро». За два дня – ни лебедя, ни озера. Я дала мистеру Оливеру сорок восемь часов, прежде чем позвонить снова.

– Достали?

– Да, я достал то, что ты просила, – ответил он.

– Мне не терпится. Как меня зовут?

– Амелия Кин.

– Ам-ме-ли-я Ки-ин, – медленно произнесла я, пробуя имя на вкус. Затем повторила, примеряясь к нему: – подходит ли? Решила, что подходит. – Хорошее имя.

– Рад, что ты довольна, – сказал мистер Оливер голосом робота.

– Кому оно принадлежало?

– Одной девушке, погибшей год назад в пожаре. Посobie после смерти никто не запрашивал. Замуж не выходила, детей не имела. Она умерла в двадцать семь, значит, тебе сейчас двадцать восемь.

– С возрастом вы угадали. Какие есть документы?

– Номер социального страхования и паспорт без фотографии. Куда привозить?

– Отправьте документы службой доставки для Джейн Грин в гостиницу «Лебединое озеро» на Клайд-авеню в Нормане, штат Оклахома. Затем переведите пять тысяч Амелии Кин в офис «Вестерн Юнион» на Клайд-авеню. Телефон я выброшу, как только закончу этот разговор, так что давайте без фокусов.

– Слушай... мисс Кин, – произнес он. – Думаю, тебе пора привыкать.

– Да, наверное.

– Мисс Кин, будь осторожна. Если тебя поймают, никакой помощи не жди.

– А разве когда-то ждала?

– Документы и деньги ты получишь уже завтра. Я рассчитываю, что беседовать нам больше не придется.

– У меня к вам еще одна просьба.

– Какая?

– Не пытайтесь меня убить.

* * *

Амелия Кин. *Амелия Кин.* Да, из этого имени может выйти толк. Амелия Кин, вероятно, обладает амбициями. Она вполне могла окончить колледж, выучить иностранный язык. Амелия Кин могла стать учительницей или открыть свое дело. Она могла бы летать на самолетах, работать врачом... Ну ладно, это уже перебор. Но Амелия Кин может быть образованной. Она может любить теннис или кататься на лыжах, может иметь друзей, увлечения которых не ограничиваются бильярдом в баре по субботам. И она может выйти замуж не только ради красивой фамилии.

Я спустилась в вестибюль гостиницы «Лебединое озеро». Любопытно было бы встретить отчаянного человека, который придумал это название, просто чтобы узнать, какие далеко идущие планы он тогда строил. Заведение из последних сил старалось не выглядеть грязным захолустным мотелем, но лишь вызывало еще больше жалости.

Я поговорила с девушкой у стойки регистрации, лет девятнадцати на вид. Работа в «Лебедином озере» явно давалась ей нелегко. Судя по тому, как она стискивала зубы, сколько бы ее

родители ни питали надежд, часть из них уже перечеркнута выпивкой и наркотой. Мне позволили заселиться без удостоверения личности – мол, не проблема. На бейджике было написано, что ее зовут Дарла. Я всегда любила бейджи, потому что плохо запоминаю имена. Или, скорее, считаю бессмысленным запоминать имя, которое вскоре придется выбросить из памяти.

– Здравствуйте, Дарла, – сказала я. – Как ваши дела?

– Хорошо, мисс... мисс...

– Джейн Грин.

– Точно. – Он смотрела будто в никуда, как слепая.

– Завтра мне должна прийти посылка. В ней очень важные вещи. Вы не могли бы позвонить в мой номер, как только ее принесут?

– Да, мэм, – ответила Дарла, записав мою просьбу на стикере.

Несмотря на «мэм», я вручила ей двадцать долларов. После выключила одноразовый мобильник и бросила его в мусорный бак у «Лебединого озера», а потом купила новый в магазине за углом. Прогулявшись по главной улице, нашла закусочную, где заказала гамбургер и картофель фри. Официантке дала понять, что не люблю светских бесед. На обратном пути я избегала смотреть прохожим в глаза. Без имени опасно. Один неверный шаг, и сначала вскрыется, что ты никто, а в конце концов все узнают, кто ты на самом деле.

Ночь в гостинице я провела, глядя, как притворяются люди в телевизоре. Мне нужна новая личность: новые манеры, интонации, предпочтения и антипатии. Взяв на прикроватной тумбочке блокнот и дешевую ручку, я принялась записывать черты характера, от которых предстояло избавиться.

Таня ненавидела брокколи и авокадо. Называла дурнями всех вокруг, включая друзей. Иногда заменяла «дурнем» чье-то имя, потому что не могла его вспомнить. У Тани была татуировка на лодыжке. Сделала по глупости, когда училась в старшей школе. Таня вечно потягивалась и разминала плечо, чтобы продержаться до следующего сеанса. Когда-то пыталась воровать у Фрэнка таблетки, прописанные ему от боли в колене. К сожалению, Фрэнк не любил делиться наркотиками и неплохо владел основами математики.

Я посмотрела на Танино досье и подумала: какая же она, черт возьми, скучная. Хорошо, что ее можно оставить в прошлом. Я нашарила коробок спичек на дне моей сумки... точнее, Таниной сумки. Вырвав страницу из блокнота, подожгла ее уголок, дождалась, пока она почти полностью сгорит, бросила в унитаз и спустила воду.

Затем я написала несколько заметок о том, какой может быть Амелия Кин. У нее красивая осанка. Выглядит начитанной и действительно много читает. Амелия хорошая пловчиха – как и Таня. Тогда Амелии, наверное, лучше заниматься бегом, вдруг однажды пригодится. Вероятно, она из тех, кто легко заводит друзей... Нет, плохая идея. Одно я знала об Амелии Кин наверняка: она была незамужней и менять свой статус не собиралась.

* * *

Дарла позвонила мне на следующее утро. Посылку доставили. Я натянула поверх пижамы свитер и помчалась в вестибюль, пытаясь сдерживать всплеск адреналина.

Дарла протянула мне большой коричневый конверт. Я ее поблагодарила, выдавив из себя теплую улыбку, и быстро ретировалась в номер.

Распечатывая конверт, я порезала указательный палец. Крошечная капля крови упала на мое новое свидетельство о рождении. Амелия Кин родилась в 3:32 утра 3 ноября 1986 года в семье Джорджа Артура Кина и Марианны Луизы Кин в больнице «Провиденс» города Такома, штат Вашингтон. Скорпион. Мощь, магнетизм, ревность, собственничество, напористость. Моя мать читала гороскопы как одержимая. Я же в них никогда не верила, потому что роди-

лась под знаком Рыб, который всегда описывают как медузу без жала. Впрочем, судя по моему прошлому, именно такой я и была.

Теперь можно все изменить. Все, что мне в себе не нравилось, начиная с прически. Я осветлила волосы давно, как только поняла, что на блондинок мужчины смотрят по-другому. Интересно, как на меня будут смотреть, когда я стану брюнеткой. Может, никто больше и не взглянет в мою сторону... Неплохо какое-то время побыть невидимкой.

Я пошла в ванную, захватив с собой ножницы, и провела ревизию своего отражения в зеркале. Желтоватые светлые волосы, испорченные дешевой краской и слишком отросшие, чтобы уложить их в прическу, светло-карие глаза, под ними темные синяки. Я подняла одну прядь и, отмерив десяток сантиметров ото лба, щелкнула ножницами. Я много лет стриглась сама. Не ради экономии денег и не потому, что была особенно хорошим парикмахером. Просто у меня холодело внутри, когда мастер в салоне начинал задавать мне вопросы.

Я сделала челку, хотя прекрасно знала, что волосы, щекочущие лоб, будут меня раздражать. Зато теперь я стала больше похожа на Амелию, а не на Таню. Смешав каштановую и коричневую краску с проявителем, начала полосками выдавливать смесь из пластикового флакончика. Когда волосы пропитались составом, а от химического запаха у меня горело и щипало в носу, я взглянула на часы, сняла перчатки и включила телевизор.

Показывали фильм, действие которого происходило в колледже. Каменные здания старого кампуса были украшены колоннадами и широкими лестницами. В тени столетних дубов возлежали праздные студенты. Мне понравилось, как выглядит главная героиня. Она собирала подписи под какой-то петицией. Девушка носила вылинявшие синие джинсы, такие же уютные и мягкие, как белая майка поверх старой футболки и зеленая армейская куртка; на шее у нее висели металлические жетоны и ключ от дома. Очевидно, ей было все равно, что о ней думают. Ее одежда выглядела очень удобной. А вот я в бар всегда надевала платья или юбки с непрактичной обувью, от которой ноги горели огнем. Амелия Кин не собиралась носить ничего вызывающего боль.

Я смыла краску и высушила волосы жестким, как наждачная бумага, гостиничным полотенцем, оставив на нем темные пятна. Расчесавшись, подровняла челку, отрезав несколько торчащих прядок. Натянула старые голубые джинсы и темно-синюю толстовку, остальные вещи сунула в чемодан, а затем покинула «Лебединое озеро» совершенно другим человеком. Кареглазой шатенкой. Метр шестьдесят семь, пятьдесят шесть килограммов, еще нет тридцати. Я стала одной из очень многих; увидев меня, вы вряд ли запомните, как я выгляжу.

* * *

Я поехала фотографироваться на паспорт.

– Улыбаться не нужно, – сказал фотограф. А мне впервые в жизни самой хотелось улыбнуться в камеру.

Пока снимки печатались, я зашла в канцелярский магазин за пленкой для ламинирования. Потом купила бритвенные лезвия, бейсболку, красную помаду, черную подводку для глаз и тушь. От румян отказалась: Амелия Кин не любит в макияже розовое и сияющее. Забрав в ателье фотографии, я вышла на парковку и села на заднее сиденье своего потрепанного «Бьюика». Прикрепила фото к паспорту при помощи крошечной капли клея. Затем положила документ на чемодан – нужна была твердая поверхность. Примерила лист пленки для ламинирования и сняла с него защитный слой. От волнения у меня дрожали руки, и пришлось выждать несколько минут, чтобы успокоиться, – еще одного паспорта мне не достать. Я положила пленку одним быстрым, четким движением. Проведя по ней тыльной стороной лезвия, удалила пузырьки воздуха. Затем аккуратно обрезала края.

Я осталась довольна своей работой. Таможню, конечно, с такими документами не пройти, но я и не собиралась никуда лететь. Затем поехала в секонд-хенд. Купила несколько пар джинсов, а еще простых рубашек на пуговицах, одну в клетку и одну в шотландку. Разыскав армейский магазин, купила зеленую куртку, как у той девушки из фильма. Заодно подобрала себе удобные ботинки. А еще – дешевое нижнее белье. Амелия Кин предпочла бы что-нибудь получше, но безработной Амелии Кин пришлось довольствоваться этим. Чемодан Тани Дюбуа отправился в мусорный бак позади заправки. На мгновение я позволила себе вспомнить, как избавлялась от прежней жизни в прошлый раз. Тогда было больно, теперь я почти ничего не чувствовала.

Скользнув обратно в «Бьюик», я посмотрела на себя в зеркало заднего вида и накрасила губы ярко-красной помадой. Единственное, чем я могла потешить свое тщеславие.

Подъехав к офису «Вестерн Юнион», я припарковала машину через дорогу. Наверное, ничего бы не случилось, если б я просто вошла в здание и показала новенькое удостоверение личности. Однако я недавно потребовала денег у человека, который может решить дело по-своему. Я не полицейский, не частный сыщик, не военный наемник. Я почти обыватель, не умею выживать в экстремальных условиях или уходить от преследователей. У меня есть только логика, мощный инстинкт самосохранения и предчувствие возможных проблем.

Внутри, за стеклянными дверями, помимо сотрудников «Вестерн Юнион», находились еще трое: двое мужчин и одна женщина. Мой «Бьюик» стоял между «Рейндж-Ровером», в котором курил сигарету мужчина средних лет, и «Ауди» с номерами другого штата. В старом «Тандербёрде» прямо перед зданием сидел парень лет двадцати с небольшим в темных очках. Он откинулся на спинку сиденья и вроде бы дремал.

Я могла бы подождать, наблюдая за обстановкой. Однако, если за мной послали профессионалов, они наверняка способны таиться в засаде сутками. А мне кислый запах машины уже опротивел. К тому же я сразу пойму, что человек задумал, едва взглянув ему в глаза. Этому я долго училась. Заправив волосы под бейсболку и нацепив очки от солнца, я пошла прямо к «Рейндж-Роверу».

Мужчина заметил меня, когда я подошла к его машине. Поняв, что уходить я не собираюсь, он опустил стекло.

– Здравствуйте, – поздоровалась я.

– Добрый день... мисс.

Думаю, его сбило с толку сочетание мальчишеской одежды, бейсболки и красной помады на моих губах.

– Вы намерены меня убить? – спросила я.

– Что, простите?

– Я задала несложный вопрос.

– Зачем мне вас убивать? Вы так шутите? – Мужчина явно опешил и даже немного испугался.

– Не беспокойтесь. Я задала вам несложный вопрос. Ответите на него, и я тут же уйду.

– Нет, я не собираюсь вас убивать.

– Спасибо, отличная новость. До свидания.

Я обошла его автомобиль и направилась к перекрестку. За спиной раздался гул двигателя, и «Рейндж-Ровер» быстро уехал. Остался лишь один возможный злоумышленник: спящий парень в очках. Я пересекла улицу и постучала ему в окно. Либо он первоклассный актер, либо я его действительно разбудила.

Он опустил стекло, сдвинул очки на кончик носа и, устало щурясь, посмотрел на меня.

– Чем вам помочь? – хрипло спросил он.

– Вы меня узнали?

– Что?

– Я кажусь вам знакомой? – У потенциального убийцы наверняка должна быть моя фотография.

– Тебя Клара подговорила, да? – ответил разбуженный парень.

Нет, он не убийца.

– Извините, ошиблась, – бросила я, уходя.

– Передай Кларе, что у нас все кончено! – крикнул мне вслед разбуженный парень.

Я сделала несколько кругов по кварталу. Ничего подозрительного не обнаружилось. Передо мной стоял выбор: уйти без денег или рискнуть и начать новую жизнь в качестве Амелии Кин. Я вошла в «Вестерн Юнион», дождалась своей очереди, забрала деньги и вышла. Вернувшись в «Бьюик», проехала километров пятнадцать, глядя в зеркало заднего вида больше, чем на дорогу перед собой. Свернув на обочину, собрала все недавно купленные вещи и еще почти километр шла пешком, с сумкой наперевес. В еще одном магазине подержанных автомобилей я купила почти приличную десятилетнюю «Тойоту Камри» за 4950 долларов. Строго говоря, Таня Питтс купила машину для Амелии Кин, поскольку у той еще не было водительских прав. Сложив вещи в багажник, я села за руль и следующие четыре часа ехала без остановок.

Выжимая сотню километров в час по ночной трассе, я чувствовала какие-то внутренние изменения, будто моя ДНК перестраивалась. Я чувствовала, как умирает Таня Питтс-Дюбуа. Она отправилась туда, где всегда и была, где должна быть. Я же стала Амелией Кин.

* * *

22 октября 2005 г.

От кого: Джо

Кому: Райан

Я понимаю, это письмо нарушает негласное правило, но никто не узнает, если ты не расскажешь. Ты ведь умеешь хранить секреты. Надеюсь, и этот сохранишь. Наверное, ты удивишься, прочитав такое. А я не меньше твоего удивлена тем, что пишу. В новой жизни я так и не освоилась. Иногда всерьез думаю, не вернуться ли домой, чтобы принять свою судьбу. Поделиться мыслями тут не с кем, поэтому пишу тебе. Только ты знаешь, что я сделала и чего не делала. Скорее всего, потому я так удивилась твоему поступку. Но я не собираюсь тебя осуждать. Я пишу, поскольку мне одиноко.

Я скучаю по дому, по Эди, хотя совершенно не скучаю по тому взгляду, который она бросила на меня при последней встрече. Когда чувствую воодушевление, я скучаю по маме. Но в основном скучаю по тебе. Причем постоянно, хотя рациональная часть меня твердит, что тебя следует ненавидеть. Я по-разному представляла наше будущее. Иногда даже видела тебя рядом с кем-то другим. Мне и в голову не приходило, что мы расстанемся навсегда. Однако так все и получилось, да? Однажды ты превратишься в седого старичка или даже лысого, а я по-прежнему буду помнить тебя мальчишкой. Ты когда-нибудь думал об этом?

Не хочу обсуждать то, что произошло. Наверное, просто хочу спросить, как у всех дела. Как складывается ваша жизнь. Можешь назвать это любопытством, ностальгией, тоской по дому, да хоть психическим расстройством. Я скучаю по тем, кого знала. Большие я никого не знаю. И никто не знает меня.

Пожалуйста, пренебреги правилами и напиши ответ. Мне лишь нужны новости о том, что я пропустила. Или я ничего не пропустила? Может, я успела выбраться, прежде чем город стал заброшенной свалкой?

Кажется, на этом все.

Джо

2 ноября 2005 г.

От кого: Райан

Кому: Джо

Твое письмо чуть не довело меня до сердечного приступа. Зато внимание мое ты привлекла. Так и было задумано, верно? Ты прекрасно знала, что я захочу ответить, хотя лучше бы мне этого не делать, по многим причинам. Я надеялся, ты найдешь свое место. Даже допускал мысль, что там ты будешь счастливее, чем здесь. Видимо, хотел заглушить голос совести, успокаивал себя. Жаль, что все так обернулось. Знаю, ты никогда не поймешь, почему я так поступил. Я и сам иногда не понимаю. Однако, если бы сегодня пришлось снова выбирать, я сделал бы то же самое.

Я по-прежнему люблю тебя и по-прежнему скучаю. Ну, когда позволяю себе предаваться воспоминаниям. А это бывает нечасто. Пару месяцев назад я начал делать вид, что ты умерла. Позади церкви Святого Гавриила есть безымянная могила. Я представляю, что она твоя. Собираю цветы на лугу за школой и отношу их к могиле. Знаю, это странно. Только ты была рядом, а потом ушла, и мне пришлось как-то переживать утрату. Я действительно думал, что ты исчезла бесследно и навсегда.

Если местные новости помогут тебе взбодриться, я все расскажу. Но тогда и правда взбодрись.

В последнее время я почти ни с кем не общаюсь, так что знаю не так уж много. Нелли помолвлена с Брэдом Фоксом. Он, кстати, свел огромную родинку со лба. Ветхий дом на Грин-стрит сносят, там будут строить какой-то дорогой жилой комплекс. Облагораживают наши Билман. Эди вернулась в город. Решила поступать в колледж только через год. И вот девочка-подающая-большие-надежды работает у отца в хозяйственном магазине. Летом я видел Джейсона Лайонса. Он слишком любопытный. Если тебе приходила в голову мысль связаться с кем-то из местных – не советую. Тут все висит на волоске.

Тебе, скорее всего, не терпится узнать новости о своей матери. Она не изменилась. Хуже ей не стало, если тебе от этого полегчает. Думаю, у нее новый роман. Лучшие предыдущего, насколько я могу судить. Во всяком случае, синяков не видно. Я удовлетворил твой интерес?

Наверное, тебе не стоит писать на мою обычную электронную почту – ну, безопасность и все такое... Вдруг кто-нибудь пронюхает. Лучшие используй этот адрес.

Будь осторожна.

Р.

P. S. Ты ничего не пропустила.

14 ноября 2005 г.

От кого: Джо

Кому: Райан

Врунишка. Но спасибо тебе. Да, ты ответил на все мои вопросы. Хотя я ожидала, что событий будет больше. Мне казалось, с моего отъезда почти вечность прошла... Ты очень мало пишешь о себе. Полагаю, намеренно. Я звала тебя с собой. Ты остался там. Почему ты остался? Ты ведь мог бы стать кем угодно.

Пожалуйста, прекрати ходить на ту могилу. Меня в ней нет.

Джо

25 декабря 2005 г.

От кого: Джо

Кому: Райан

Re: С Рождеством!

Думаю, тебе становится все проще не вспоминать обо мне. Желая хорошо провести праздничные дни. Я сижу одна в дешевом мотеле на Среднем Западе, смотрю трансляцию парада в Диснейленде и ем шоколадный пудинг из консервной банки.

Во всем этом я вижу лишь один плюс. Я тебя больше не люблю.

Джо

Амелия Кин

Глава 3

Я убедила себя в том, что всего лишь присматриваю временное убежище – оседать на одном месте нельзя. А потом вдруг обнаружила, что по указателям еду напрямик в Остин, штат Техас, и, прибыв туда, я почувствовала облегчение. На первую ночь остановилась в дешевом мотеле, пошла на прогулку и заблудилась в районе на другом берегу реки. Спросила дорогу у женщины, сидевшей на скамейке у автобусной остановки и увлеченно читавшей книгу. Она показала мне, где Конгресс-стрит, и посоветовала идти прямо до моста.

Через несколько кварталов я увидела толпу людей. В большинстве собравшихся, за исключением нескольких семей с детьми, можно было безошибочно узнать туристов: слишком пестрая одежда, слишком удобная обувь, слишком крепко привязанные к тесме солнцезащитные очки. Все стояли, перегнувшись через ограждение моста; воздух гудел ожиданием. Я тоже послушной овцой шагнула в просвет между спинами и оказалась у перил. Ждала, сама не зная чего. И вот, когда почти растаяли последние солнечные лучи, из-под моста выпорхнули и взвились в небо прекрасным черным облаком тысячи или даже сотни тысяч летучих мышей. Они разделились на стайки: одни летали, выписывая восьмерки, другие словно расходились волнами. Я стояла там, пока все летучие мыши не исчезли и мост не погрузился в темноту.

На обратном пути мое внимание привлекла неоновая вывеска «Стаканчик у Мэй». Почему-то она словно манила к себе. Наверное, я решила, что заведением управляет некая Мэй и что одинокой женщине в чужом городе разумнее пойти туда, где у руля женщина.

Тяжелая дверь из красного дерева, похожая на амбарную, подавалась с трудом, будто напоминая: входя в бар, ты берешь на себя кое-какие обязательства. Внутри царили сумрак и прохлада и пахло спиртом, а не разлитым пивом и дешевыми орешками, вдавленными в пол. За стойкой я увидела красивую женщину. На ней были майка, юбка выше колена и белые кеды. Я заметила еще нескольких посетителей, хоть уже в стельку пьяных, но с виду безобидных. У двери лежали несколько экземпляров местной газеты. Захватив один, я направилась к стойке бара.

Села, оставив между собой и ближайшим соседом, мужчиной в костюме, два свободных стула. Костюм выглядел не очень удачно скроенным, был измятым и пыльным и, скорее всего, единственным в гардеробе своего хозяина. Образ дополняла белая рубашка, узкий черный галстук напрямик из восьмидесятых и потертые коричневые ботинки. Я чувствовала взгляд мужчины на себе, пока садилась, но потом краем глаза увидела, что он снова повернулся к своему стакану. «Военная куртка делает свое дело», – подумала я.

– Что будете? – спросила женщина за стойкой.

Что пьет Амелия Кин? Таня любила пиво и бурбон. Они теперь не годятся.

– Джин с тоником, пожалуйста.

– Есть предпочтения?

«Со временем предпочтения должны появиться», – подумала я. Увы, пока их не было.

– Удивите меня, – сказала я.

– Явно не самый дешевый. – Она взглянула на меня оценивающе.

– Верно, – ответила я. – Зачем начинать со дна? Всегда успеешь туда упасть.

– Тогда «Бомбей»?

– Давайте.

Она налила мне большую порцию, и я бы только обрадовалась, любя я джин, однако он оказался слишком крепким и, судя по вкусу, мог бы сойти за лекарство от кашля. И все же я его выпила, мысленно уговаривая свои вкусовые рецепторы подстроиться.

– Блю, можно мне еще? – спросил Плохой Костюм, кивая на пустой стакан.

Думаю, женщина получила имя Блю за свои льдисто-голубые глаза. При этом она, словно желая их скрыть, не пользовалась даже тушью для ресниц. Трюк не удался. На самом деле единственным намеком на тщеславие Блю служил легкий вишневый блеск на губах. Ее густые светлые волосы были заплетены в строгую косу, лежавшую на спине. Выбрав занятие, в котором чаевые могут напрямую зависеть от внешности, Блю, очевидно, не намеревалась вытягивать из клиентов лишние деньги.

Под потолком работал телевизор с выключенным звуком, в перерыве новостного выпуска показывали рекламу какого-то модного автомобиля.

– Стал бы я миллионером, в первую очередь купил бы себе такой, – сказал Плохой Костюм то ли Блю, то ли мне, то ли сам себе.

– Если бы стал миллионером, – ответила Блю. – Когда говоришь о гипотетических ситуациях, нужно использовать сослагательное наклонение.

– Почему ты вечно указываешь мне, как надо говорить? – спросил Плохой Костюм.

– Я всего лишь поощряю уважение к родному языку.

– А я и так его уважаю до одури. Но раз ты так любишь раздавать задания по грамматике, почему бы не заделаться школьной учительницей?

– Я подумаю, – отрезала Блю.

Открыв газету, я начала просматривать объявления о работе. Похоже, я ни для одной не подходила. Мне даже не все требования к претендентам удавалось понять. Что еще за система «Кварк»? Компьютером я пользоваться умела. Ну, вроде бы. В старших классах училась печатать. Получила тройку с плюсом, и вряд ли с тех пор навык улучшился. После покупки «Тойоты» наличных у меня осталось всего ничего, чуть меньше двух тысяч. Квартира, мебель, новая одежда, еда... Надолго ли хватит денег?

Плохой Костюм в конце концов повернулся ко мне – видимо, в надежде на менее интеллектуальный разговор.

– Вы в городе недавно? – спросил он.

– Да, – ответила я.

– И откуда вас сюда занесло? Простите. Откуда вы приехали?

– Из Оклахомы.

– У меня там есть знакомые. А из какого города?

– Из Нормана.

– И чем вы там занимались?

– Можно сказать, ничем.

– А что привело вас в Остин? – спросил Плохой Костюм.

– Деннис, ты задаешь слишком много вопросов, – одернула его Блю.

– Я веду беседу, – ответил Деннис.

– Может, леди не желает беседовать. Тебе такое в голову не приходило?

– Нет. Честно говоря, не приходило. Прошу прощения. – Деннис вежливо кивнул. – У меня выдался тяжелый день, и я просто хотел поболтать по-дружески.

– Деннис, ты можешь поболтать со мной.

– Ты не любишь болтать, Блю. И все это знают.

– Зато умею слушать, – сказала она.

Блю сняла с высокой полки бутылку бурбона и взяла под стойкой два стакана. Налив в них виски, один поставила перед Деннисом. Похоже, это означало перемирие.

– За Маргарет Роуз Тодд. Пусть старая кошелка покоится с миром, – сказал Деннис.

– Не говори так о своей матери. – Блю налила Деннису вторую порцию.

– У тебя есть мама? – спросил у нее Деннис.

– Мама у всех есть.

– Как ее звали?

Блю вздохнула, плеснула себе еще глоток бурбона, выпила и сказала:

– Джанет.

Моя фальшивая личность поставила бы все до цента на то, что Блю лжет. Ее ложь представлялась мне довольно глупой. Однако от этой неумелой лжи у меня подступила тошнота, словно я тоже заразилась. Сейчас мне навыки обмана были нужны как никогда.

Прикончив свой антисептический напиток, я положила на стойку несколько банкнот и пожелала Блю и Деннису спокойной ночи.

– Возвращайтесь когда угодно, – ответила Блю. – Здесь вас никто не побеспокоит.

* * *

Жизнь у Амелии Кин оказалась несладкой. Чтобы получить жилье, работу и тexasские водительские права, требовалось пройти через столько бюрократической волокиты, что я уже готова была перебраться на какую-нибудь ферму и кормиться земледелием. С помощью новых документов я открыла счет в банке и положила на него полторы тысячи долларов. Попыталась найти квартиру, но без работы, рекомендаций и кредитной истории это было затруднительно.

Удалось найти пансион. Управлявшая им женщина по имени Рут с утра до вечера ходила в домашнем халате, и ее большие груди бесстыдно колыхались под тонкой тканью. За комнатушку площадью меньше десяти квадратных метров я платила сто долларов в неделю. Пришлось делить туалет и душ с тремя мужчинами. Двое из них были свиньями, зато третий, Маркус, к моему счастью, страдал тревожным расстройством со страстью к уборке. А еще из-за нервного тика он добавлял гортанную ноту в конце каждой фразы. Поэтому его компания, в других отношениях весьма приятная, приводила некоторых в состояние вечной боевой готовности.

Одним из препятствий между мной и водительским удостоверением стал договор аренды. Когда я попросила его у Рут, она посмотрела на меня так, будто я потребовала спеть серенаду, при этом играя на скрипке. Тогда я предложила другой план: если она согласится подписать договор, я дам ей пятьсот долларов и подпишу еще один документ, который мгновенно аннулирует соглашение об аренде. Казалось, Рут была готова к сделке, если я возьму на себя оформление бумаг.

В тот же день я пошла в библиотеку, чтобы распечатать форму договора. Пока был доступ к интернету, я решила почитать новости Ватерлоо и проверить, насколько энергично меня разыскивают. Зайдя на сайт местной газеты, я тут же натолкнулась на зернистую фотографию моей прежней версии за барной стойкой. В убийстве меня еще не обвинили. Мною просто «интересовались». В статье говорилось, что время моего исчезновения весьма подозрительно. Мысль совершенно здравая, надо признать. Блейк Шоу, возглавлявший «Обозрение Ватерлоо» и писавший почти все статьи, боролся с искушением сделать из моей истории сенсацию и объявить меня убийцей. Наверное, он питал ко мне какие-то чувства. Я никогда не отказывала ему в очередном стаканчике, даже если он уже едва мог удержаться на стуле; просто забирала у него ключи от машины и наливала еще одну порцию. Впрочем, это лишь вопрос времени: рано или поздно и Блейк, и все остальные от меня отвернутся.

Я заполнила договор аренды, составила соглашение о его аннулировании и вернулась в свое временное жилище. Рут приняла взятку и подписала документы. Теперь загвоздка была в том, что для экзамена по вождению требовался автомобиль, зарегистрированный в Техасе. А свою «Тойоту» с номерами Оклахомы я купила на старое имя.

У Маркуса была машина. Думаю, я ему нравилась, потому что не оставляла волос в раковине. Раз или два он даже вроде бы кивнул мне в знак приветствия. В общем, я решила с ним слегка пофлиртовать. Всегда улыбалась ему при встрече, что далеко не так просто, как кажется. Однажды на кухне предложила налить кофе, а еще очень тщательно делала уборку в ванной и при Маркусе всячески осуждала Руфуса и Тома, наших соседей, за неряшливость. Однако ночами они втроем играли в карты или смотрели телевизор, а я присоединиться не могла. Было невыносимо смотреть на разорившихся мужчин из захолустного городка, которым некуда пойти и нечем заниматься.

Кроме Рут, в доме обитала еще только одна женщина. Она занимала комнату в цокольном этаже с отдельной ванной. Заглянув как-то ей в глаза, я поняла, что такое потерянный человек. Если б я верила в существование души, то назвала бы эту женщину пустой оболочкой.

Вечером я в одиночестве ужинала в закусочной или в вегетарианском ресторане, которых в Остине обнаружилось невероятное множество. Вскоре стало ясно, что растительные белки – совсем не мое. Отказаться от мяса я не готова. После ужина я отправлялась на поиски бара, где можно было стать невидимкой. Несколько ночей подряд ходила в паб около Техасского университета под названием «Забегаловка». Мне нравилось наблюдать, как студенты пытаются не отставать от завсегдатаев и заказывают виски, слишком крепкий для них с непривычки. Они пили алкоголь залпом, как лекарство, и корчили забавные гримасы. Не помню, чтобы я когда-нибудь так же кривилась. Меня выпивка всегда согревала и успокаивала. Постепенно голоса студентов становились все резче, словно кто-то извне прибавлял громкости. И чем глупее они выглядели, тем больше я завидовала. Четыре года на то, чтобы понять, кто ты такой!..

На третью мою ночь в «Забегаловке» один из завсегдатаев, похожий на молодого Роя Орбисона², с такой же копной черных волос и в таких же затемненных очках, которые я считаю совершенно бесполезным аксессуаром, попытался завязать со мной разговор после того, как проиграл партию в бильярд.

– По-моему, я тебя здесь раньше не видел, – произнес Юный Рой так, словно эта фраза не была стара как мир.

– Не имею понятия, кого ты видел, а кого нет.

– О, да ты у нас умная?

– Не особенно.

– Ты здесь недавно?

– Да.

– Откуда ты?

– Из многих мест, – ответила я. Надо по возможности говорить правду. Ложь имеет свойство накапливаться, и за ней не уследить.

– Может, я бывал в одном из них.

– Может.

– Я лишь проявляю дружелюбие.

– Лучше поискать кого-то более восприимчивого к дружелюбию.

– Намек понял. – Юный Рой подхватил свою кружку с пивом и вернулся к бильярдному столу.

Краем глаза я заметила мужчину, следившего за нашей беседой. Он даже не удосужился отвести глаза, когда я посмотрела на него в упор. На первый взгляд адекватный. Около тридцати, в накрахмаленной белой рубашке, черных брюках и очках в стальной оправе, на спинке его стула висел пиджак. Рубашка выглядела такой свежей, будто он только что забрал ее из химчистки и надел прямо перед дверью бара. День почти закончился. У всех в «Забегаловке»

² Рой Келтон Орбисон (1936–1988) – американский рок- и кантри-музыкант, известный во всем мире прежде всего благодаря песне «Oh, Pretty Woman».

одежда исчерчена узором складок, а этот мужчина словно персонаж комикса – гладкий и какой-то плоский. На его лице застыло пустое, непроницаемое выражение. Похож на безжалостного финансиста.

На мгновение я забыла о своей невидимости и смотрела на него, разинув рот. Он не отводил глаз, не улыбался, долго смотрел на меня в ответ, а потом перевел взгляд на лежавшую перед ним газету. Возможно, ему просто нравилось наблюдать за людьми. Времяпрепровождение невинное, но мне не по нутру.

Оставив на барной стойке пару банкнот, я вернулась в свою спальню площадью без малого десять квадратных метров и проспала следующие восемь часов. Во сне я снова превратилась в Таню Питтс-Дюбуа. Рядом храпел Фрэнк. Я задушила его подушкой ради тишины. Проснулась с ноющим чувством вины. Оно ослабло, когда я вспомнила, что произошло на самом деле, – но ненамного.

* * *

Через три дня после того, как я осела в замке благотельницы Рут, мне удалось сдать теоретический экзамен на права. Проскочила с 72 % правильных ответов. Каждый день я ходила в библиотеку изучать сайты с объявлениями о вакансиях. В поисках подходящей работы обнаружила, что не так уж много умею. Семь лет брака с Фрэнком я потратила на уборку, стирку и ночную выпивку, а лучше бы готовилась к нынешним временам.

Через пять дней после начала кампании по любезному обращению с Маркусом я попросила его одолжить мне машину для экзамена по вождению. Маркус в ответ сообщил, что его машина зарегистрирована в Арканзасе и к тому же не застрахована. Выходит, я ему улыбалась и наливала кофе совершенно зря.

Через пару дней я вернулась в «Стаканчик у Мэй» – вспомнила обещание Блю о том, что меня оставят в покое. И снова увидела за стойкой Блю. Перед ней сидели два старика в выглаженных фланелевых рубашках, и, хотя между ними был свободный стул, выпивали они явно вместе.

Я села в другом конце бара, куда доносились стариковские голоса, но не запах.

– Вы снова пришли, – сказала Блю.

– Да.

– Джин с тоником?

Черт, она запомнила.

– Лучше водки.

– Предпочтения?

– Удивите меня, – ответила я.

– Могу я взглянуть на ваше удостоверение личности? – извиняющимся тоном сказала Блю. – Говорят, копы сейчас свирепствуют.

Я вынула паспорт и показала Блю. Та взяла его и поднесла поближе к светильнику. Как по мне, она изучала документ слишком пристально. Будто почувствовав мое напряжение, заговорила:

– Нечасто мне предъявляют паспорт.

– Потеряла права, – объяснила я.

Блю положила паспорт на стойку передо мной, я убрала его назад в сумку. Блю налила мне водки с тоником.

– Ваше здоровье, – сказала она.

Я принялась читать объявления в местной газете. Работа, для которой я подходила, скорее всего, повергла бы меня в давно забытые глубины отчаяния. Я ненавидела свою прежнюю жизнь, но она по крайней мере походила на жизнь. Однако вряд ли я готова в нее вернуться.

Сунула газету в сумку и занялась разглядыванием картин на стенах, слушая рассуждения стариков о том, как президент вознамерился украсть их оружие и гражданские права.

– Еще одну? – спросила Блю.

– Почему бы и нет?

Раздался тяжелый скрип дверных петель, и я заметила, что Блю, ставя передо мной стакан, краем глаза следит за новым клиентом. Я потянулась к карману, чтобы заплатить, но она хлопнула по стойке и сказала:

– Скоро станет легче.

– Что именно?

– Начинать новую жизнь.

Складывалось впечатление, что она знает больше положенного. Мне захотелось сбежать, однако проблему это не решило бы, и я не сдвинулась с места. Придумав ответную реплику, я заметила, что Блю хмуро смотрит на кого-то в углу бара. Новый посетитель устроился там за столиком и раскрыл газету. Поймав взгляд Блю, он помахал ей рукой.

– Видимо, профессор надеется на ресторанное обслуживание, – пробурчала Блю.

На мужчине был темно-коричневый свитер крупной вязки с шалькой³ и рубашка с воротничком на пуговицах. Возможно, одежда и намекала на некую ученость, зато узкий лоб делал его почти похожим на неандертальца.

Блю приняла у него заказ и попросила все-таки пройти десять шагов до барной стойки, если понадобится что-то еще. Тем не менее она сама отнесла ему бутылку «Будвайзера» – Профессор кивнул, не отрываясь от чтения газеты.

Я уже собиралась покинуть бар, когда Блю подошла ко мне и прошептала:

– Где ты его взяла?

– Что взяла? – переспросила я.

– Свой симпатичный паспорт.

– В паспортном департаменте.

Я тут же поняла, что сказала глупость. Поскольку ни разу не выезжала за границу и настоящий паспорт никогда не получала⁴, я и понятия не имела, где и как он делается. Наверное, в моем возрасте – сколько там мне? двадцать восемь? – женщина обязана знать такие вещи.

Блю ухмыльнулась только левой стороной рта. Я допила водку и бросила:

– Мне пора.

– Он поддельный, я видела.

– Не понимаю, о чем вы.

– Давно ты стала Амелией Кин?

Меня охватил ледяной холод и жар одновременно. Я стала Амелией Кин меньше двух недель назад и чувствовала, что вот-вот могу ее потерять. Думаю, Блю заметила смертельный ужас в моих глазах.

– Я не хочу доставлять тебе неприятности, – сказала она. – Только скажи, где ты раздобыла такую прекрасную подделку.

Едва ли стоило обсуждать эту тему в публичном месте. Я быстро оглядела бар – за нами никто не следил, и все же...

– Не здесь, – ответила я.

– Я закрываюсь через час. Хочешь еще выпить, пока ждешь?

³ Шалька – глубокий отложной воротник с бортами, как правило, имеющими округлую форму.

⁴ В США паспорт не является обязательным документом для удостоверения личности и необходим только для зарубежных поездок, да и то не для всех.

* * *

Старики ушли, не дожидаясь напоминания. Один мужчина играл сам с собой в дартс, делая глоток пива каждый раз, когда один бросок оказывался лучше другого. Профессор потягивал «Будвайзер» с неспешностью истинной леди. На бутылку ему потребовалось почти девять минут. Он оставил на столе двадцатку и молча вышел за порог. Блю заперла дверь за последним посетителем, навела порядок за стойкой и предложила мне, словно закадычной подруге:

– Есть хочешь? Давай съедим по гамбургеру, пока ты будешь рассказывать мне свои грязные секреты.

Я не горела желанием откровенничать, но что-то рассказать должна была – Блю знает мое новое имя, а его надо сохранить в тайне. Мы вышли через заднюю дверь, которую Блю заперла на засов с висячим замком. В переулке пахло мочой и машинным маслом. Кроме полумесяца в небе, улицу освещал единственный фонарь.

– Моя машина за углом. – Блю пошла по дорожке, хрустя гравием.

Метрах в десяти стоял черный «Линкольн Таун Кар». Когда мы приблизились, дверца машины открылась, и с водительского сиденья на тротуар выскользнул Профессор.

– Амелия? – сказал он.

Меня будто схватили за горло.

– Извините. Вы ошиблись. – Я сама удивилась, что смогла выдать из себя слова.

Задняя дверца распахнулась, из автомобиля выбрался еще один мужчина. Похоже, он провел в салоне довольно много времени – медленно, как паук, расправлял конечности. Я успела мельком взглянуть на его лицо, пока оно снова не скрылось в тени. Я его уже видела. Накрахмаленная рубашка и очки в стальной оправе. Безжалостный финансист из вчерашнего бара.

Финансист смерил Блю взглядом.

– Почему бы вам не сесть в машину, мисс? – спросил он ее, открывая заднюю дверцу.

– У вас какие-то личные дела, я к ним не имею отношения. Лучше я просто пойду домой, – ответила Блю. – Здесь ничего особенного не случилось. По крайней мере, я ничего не запомнила.

Я почувствовала, что Блю говорит искренне. Она действительно может уйти, не позвонив в полицию и не считая нужным о чем-то задумываться.

– Мы вас подвезем. Даме небезопасно ходить ночью одной, – сказал Финансист.

Профессор вынул из-за спины пистолет и усадил Блю на заднее сиденье.

– На чем мы остановились, Амелия? – обратился ко мне Финансист.

– Я сказала, что вы ошиблись.

– Может, вы и правы. Значит, все-таки Таня?

– Кто вы?

– Неважно. Скажите мне, Таня, вы убили Фрэнка или это был несчастный случай?

Глава 4

Профессор и Финансист, похоже, твердо решили покататься с нами в машине. А я даже под дулом пистолета лихорадочно искала выход из положения. Профессор велел мне сесть на переднее пассажирское сиденье. Когда я не отреагировала на приказ, он приставил пистолет к моей груди. Было две альтернативы, ни одна из которых мне не нравилась.

– Я не хочу садиться в машину, – сказала я, стараясь говорить спокойно и рассудительно. – Давайте решим все прямо здесь.

– Садись, милая, – ответил Профессор.

– Тогда могу я сесть сзади? А Блю пусть возьмет дробовик. Как тебе такой вариант, Блю?

– Вообще-то, я предпочла бы поехать домой, – отозвалась Блю. – Моя машина за углом, а у вас тут свои разборки.

– Садись в машину, – повторил Профессор.

– Багажник, – сказала я. – Вы должны засунуть меня в багажник.

Профессор повернулся к Финансисту.

– Какая-то она странная.

– Везти меня в багажнике будет безопаснее, – сказала я, и это была чистая правда. Я говорила логично, однако мои похитители сделали только один вывод: у меня есть план, который они пока не могут разгадать.

Финансист молча кивнул Профессору, и тот наставил пистолет на мое горло. Теперь все стало более реалистичным, и мой маятник эмоций качнулся в сторону страха.

– Ну как, передумала?

– Да.

Я села в машину, пристегнула ремень и попыталась сделать дыхательное упражнение, которому меня когда-то учила Кэрл.

Профессор сунул пистолет за пояс, обогнул машину и сел за руль. Финансист занял место позади меня; он держал пистолет у бедра, направляя его в мой бок. Если б он выстрелил, пуля, скорее всего, прошла бы сквозь мою руку и попала в сердце.

Мы выехали из переулка на темную улицу. Голова у меня горела, будто от сильного жара.

– Куда мы едем? – спросила Блю.

– У нас нет конкретной цели, – ответил Финансист. – Просто нужно место, чтобы поговорить с Таней.

– Меня зовут не так, – сказала я.

– Как бы вас ни звали.

– Меня зовут Амелия Кин. Я родилась третьего ноября тысяча девятьсот восемьдесят шестого года в Такоме, штат Вашингтон. Моих родителей зовут Джордж Артур Кин и Марианна Луиза Кин.

Профессор, несмотря на слова Финансиста, как будто ехал в какой-то пункт назначения. Он свернул на Би-Кейв-роуд, затем на бульвар Бартон-Крик, а Финансист продолжал допрос, который стороннему наблюдателю, не видящему его пистолет, мог бы показаться дружеской беседой.

– И как вам Остин? – спросил Финансист.

– Нравится.

– Планируете остаться?

– Не знаю.

– Будете создавать проблемы?

– Кому?

Трудно было сосредоточиться на вопросах Финансиста, когда машина то и дело дергалась, лавируя между автомобилями. Профессор жал то на газ, то на тормоз, и у меня начались тошнота и головокружение. По лбу скатилась капелька пота.

– Я спрашиваю, – сказал Финансист.

– А на самом деле кто?

Я уже с трудом выговаривала слова. Грудь сдавило, словно я пыталась дышать в вакууме.

– Вы будете создавать проблемы, Таня или Амелия?

– Нет, – ответила я, понимая, что от моих слов ничего не зависит.

Профессор мчался на той же сверхскорости.

– Вы можете остановиться?

Удары сердца как будто пробивали дыры в груди. Мне чудилось, что я умру на месте, если не выйду из машины. Я почти хотела, чтобы Финансист пустил в меня пулю.

Теперь мы летели через какой-то парк. Профессор выжимал из машины, наверное, километров сто тридцать в час при допустимых шестидесяти. Когда я посмотрела в сторону водителя, за рулем сидел уже не Профессор. Это был *он*. И я могла думать только о том, что бешеной гонке надо положить конец. Прежде чем мысль успела созреть, я резко вытянула ногу и ударила Профессора в голову. Потом дернула ручной тормоз и еще раз пнула Профессора. Машина слетела с дороги в лес. Финансист выстрелил не целясь, пуля пробила крышу. Машина перевернулась в воздухе и приземлилась на колеса, встав боком вдоль насыпи.

Профессор потерял сознание и сидел, привалившись к окну. Он выглядел умиротворенным, словно решил немного подремать.

– Хватай его пистолет! – крикнула Блю.

Я протянула руку и в темноте нашарила пистолет Профессора. Блю на заднем сиденье боролась с Финансистом.

– Стреляй в него! – велела она.

Однако я не подчинилась. Просто замерла, глядя, как Блю пытается обезоружить Финансиста. Он спустил курок, и пуля прошла через лобовое стекло, превратив окно в белую паутину.

– Стреляй же! – повторила Блю.

Сначала спусковой крючок не поддавался, но потом я вспомнила, чему учил меня дядя Фрэнк, Том. Я сняла пистолет с предохранителя и выстрелила Финансисту в ногу.

Пока он вопил от боли, Блю выхватила у него пистолет и прострелила ему голову и сердце. Затем отправила две пули в спинку водительского кресла. После второго выстрела Профессор всхлипнул.

Этого я не планировала. Мне хотелось просто куда-нибудь уйти. Неизвестно, намеревались ли похитители нас убивать; я-то их точно убивать не планировала. Их смерть была временным решением проблемы, но я чувствовала, что начинаю падать в яму, из которой могу никогда не выбраться.

– Ты здесь? – спросила Блю.

– Да, – ответила я.

Блю включила свет в салоне и осмотрела Финансиста. На ее лице застыло холодное, жестокое выражение. Она проверила у Финансиста пульс, хотя выглядел он мертвее некуда. Затем потянулась к переднему сиденью и проверила пульс у Профессора.

– Мертвы, – подытожила Блю.

Еще мгновение она сверлила меня взглядом, сжимая в руке пистолет: похоже, принимала трудное решение. Я могла поклясться, что от него зависело, умру я или буду жить. Сама я размышляла о том, хватит ли мне смелости использовать свой пистолет. По спине стекал холодный пот. Пока я соображала, как далеко могу зайти ради выживания, Блю шелкнула предохранителем, вытерла рукавом пистолет и швырнула его на колени Финансисту. Я наконец сделала глубокий вдох.

Блю стянула с себя клетчатую рубашку, оставшись в майке, и стала вытирать ручку на дверце. Чтобы выйти из машины, ей пришлось хорошенько надавить на дверцу плечом, так как мы стояли на склоне насыпи. Она открыла переднюю дверцу и бросила мне свою рубашку.

– Вытри все, к чему ты прикасалась. И верни пистолет на место.

Как по мне, Блю была слишком здравомыслящей, но она хотя бы знала, что делать.

Я последовала примеру Блю: стерла свои отпечатки и сунула пистолет Профессору в карман пальто. Я не помнила, чего именно касалась руками, поэтому вытерла все поверхности, до которых могла дотянуться. Вдалеке послышался гул автомобиля.

– Выключи фары, – велела Блю.

Я нащарила выключатель. Машина проехала по дороге над нами как раз в тот момент, когда фары погасли.

– Надо уходить отсюда, – сказала я.

– В первую очередь надо не торопиться. Один отпечаток пальца – и полиция свяжет преступление с тобой. Если ты, конечно, уже где-то засветилась.

Последние слова Блю произнесла с нажимом. Не то чтобы я где-то засветилась, однако у полиции почти наверняка были мои отпечатки.

Я вытерла переднее сиденье так тщательно, как только могла. Затем мы по насыпи поднялись к дороге. Уходить можно было в любую сторону. В кромешной тьме машину с дороги было не разглядеть.

– Что теперь? – спросила я.

– Идем, – ответила Блю. – Я живу недалеко отсюда.

Возможно, не стоило доверяться человеку вроде Блю, но в тот момент я не видела другого выхода. Мы шли больше часа, пока Блю не остановилась на неосвещенной улице. В конце длинной подъездной дорожки, вдоль которой росли неухоженные кусты, стоял особняк в стиле Тюдоров. Выглядел он так, словно в нем водились привидения.

– Ты живешь здесь? – удивилась я. Особняк вряд ли по карману обычному бармену.

– Дом принадлежит одной старушке. А я живу на заднем дворе.

В доме светилось единственное окно, в спальне наверху. Мы прошли по дорожке из камня к гостевому домику позади бассейна в форме почки. Домик для гостей особняку совсем не соответствовал. Его будто наскоро построили в последний момент. Блю отперла входную дверь.

Внутри дом был обставлен очень просто, напоминая гостиничный номер. В спальне стояли большая кровать и комод, в маленькой гостиной – диван, журнальный столик и телевизор. Никаких личных вещей, которые вдохнули бы жизнь в это пространство, я не нашла. Аскетичность жилища Блю меня насторожила. Не знаю, что я ожидала увидеть. Может, картину на стене, или семейное фото, или какую-то безделушку, напоминающую о том, что моя напарница по двойному убийству принадлежала реальному миру...

Блю взяла на кухне бутылку и налила нам по стаканчику бурбона. Когда жидкость обожгла мое горло, я наконец очнулась. Блю выпила залпом, потом себе налила еще одну порцию и на этот раз потягивала виски не торопясь.

Она дала мне пару минут, прежде чем задать вопрос.

– Кажется, ты нажила себе врагов?

– Видимо, так.

– Я только что ради тебя двоих человек убила, так что потрудись объяснить.

Раньше мне не приходилось рассказывать о случившемся. Пока не набрала его номер и не попросила новую себя, я девять лет не произносила имени Роланда Оливера, даже чтобы его проклясть. Однако других перспектив я не видела, и, поскольку на спусковой крючок нажимала Блю, мы теперь повязаны. Только благодаря ей я осталась в живых. Последние десять лет я не доверяла никому. Возможно, время пришло. Я решилась, будто мысленно подбросив монетку,

и рассказала Блю все. Рассказала то, что никогда не говорила ни Фрэнку, ни Кэрол, ни доктору Майку. До встречи с Блю я могла бы стать олимпийской чемпионкой по хранению секретов. И так старательно стирала из памяти прошлое, что теперь моя история казалась выдумкой даже мне самой.

Когда я закончила, режущая боль в спине, в моем невидимом глазу шраме, словно утихла. Я так давно не говорила правду, что она звучала как ложь. Но Блю, похоже, ничему не удивилась.

– У всех нас есть свой багаж, – сказала она. – Я проголодалась. Хочешь бутерброд с жареным сыром?

Блю умяла два огромных бутерброда меньше чем за пятнадцать минут. Ее как будто совершенно не смутили ни моя история, ни два недавних убийства. Утолив голод, Блю деловито задала несколько уточняющих вопросов.

– Думаешь, мистер Оливер еще кого-нибудь за тобой пришлет?

– Вероятно. Когда узнает, что его друзья мертвы.

– Тебе нужно на какое-то время залечь на дно. Где ты сейчас укрываешься?

– Снимаю комнату недалеко от городской администрации.

– Давай заберем твои вещи. Поживешь у меня.

– Старушка не будет возражать?

– Зрение у старушки уже не то. Если увидит нас вдвоем, подумает, что у нее в глазах двоится.

У Блю, как я заметила, всегда есть план на несколько шагов вперед. Эту черту мне следовало у нее перенять, особенно учитывая мое затруднительное положение, которое я уже почти готова объявить для себя привычным.

Из гостевого домика мы вышли в пять часов утра. Рядом с особняком стоял блестящий синий «Кадиллак Флитвуд» восьмидесятих годов в безупречном состоянии.

– Возьмем автомобиль старушки, – сказала Блю. – Сначала заберем твои вещи, а потом мою машину у бара.

– Могу я сесть за руль? – спросила я.

Блю на мгновение задумалась:

– Да, так будет лучше. Не хотелось бы повторения твоей эскапады.

Он бросил мне ключи, и мы сели в ретроавтомобиль. «Кадиллак» плыл по подъездной дорожке, словно покидающий порт фрегат. В тишине раннего утра мой разум забурлил. Я прокручивала в памяти недавние события, как фильм в ускоренной перемотке.

– Вообще-то, забавно, что ты в состоянии разбить человеку голову сапогом, но не можешь выстрелить в голову или сердце, – заметила Блю.

– Я не собиралась никого убивать.

– А что ты собиралась делать?

– Выбраться из той машины. И все. – Во мне еще бушевал адреналин, и боль в спине вернулась. Блю словно это чувствовала. – А тебя не беспокоит их убийство?

– Нисколько. И тебя не должно беспокоить.

Тут мы обнаружили, что едем по той самой дороге. На месте, где мы слетели с насыпи, царил ледяная неподвижность. Машину даже не было видно с дороги. Однако вскоре рассвело, и за пару минут все вокруг наполнилось мигающими огнями, сигнальными ракетами, машинами «Скорой помощи» и желтыми лентами.

– Проснись. Подъем. Амелия! – сказала Блю.

Я невидящим взглядом уставилась вдаль, пока воображение рисовало жуткие картинки. От их яркости у меня по коже побежали мурашки. Я встрепенулась.

– Проснулась, проснулась, – ответила я.

– Начать драку недостаточно. Надо ее закончить. Чего бы это ни стоило.

* * *

Мой отъезд из замка благотельницы Рут большого переполоха не вызвал. Маркус пожал мне руку и что-то проклокотал своим гортанным голосом. Звучало похоже на прощание. Я старалась выглядеть спокойной и сосредоточенной, собирая вещи под присмотром Рут, но дрожь во всем теле не унималась, постоянная дрожь, которую трудно было не заметить со стороны.

– У тебя неприятности? – спросила Рут.

– Нет, ничего такого, – ответила я. – Просто я нашла, где можно остановиться на длительный срок.

– Не обманывай себя, – сказала она. – Все в жизни временно.

* * *

Я сунула свой единственный чемодан в «Тойоту», поехала назад к особняку старушки, припарковалась в паре кварталов от него и доволокла чемодан до гостевого домика. Побросав там вещи, отвезла Блю на «Кадиллаке» в переулок около бара, где она забрала свой «Фольксваген Джетта». Время шло к полудню.

– Мне надо сходить к старушке, – сказала Блю, когда мы вернулись в гостевой домик. – Проверю, достаточно ли у нее еды и накормлены ли кошки. А ты чувствуй себя как дома.

– Кто она тебе? – спросила я.

– В каком-то смысле семья. У них с моей тетей Гретой были когда-то отношения, хоть они никому не говорили, какие именно.

Блю направилась к особняку, а я обошла ее скромное убежище в поисках намека на обжитость. В шкафу нашлись старые домашние халаты и платья, считавшиеся модными несколько десятилетий назад. Наверное, они принадлежали старушке или Грете. В одном из ящиков я обнаружила фарфоровые фигурки – танцоры балета, музыканты, животные из зоопарка. В другом ящике лежали две старинные куклы, со светлыми и темными волосами. Под кроватью стоял чемодан с одеждой. Современной. Блю в любую минуту была готова к побегу. Стоило у нее поучиться.

Посмотрев в окно, я увидела силуэт Блю в главном доме. Заглянула в ванную. Ну, по крайней мере, несколько предметов роскоши она себе позволяла. На полочке стояли гель для душа, шампунь и кондиционер, с виду дорогие – такие необычные флакончики в обычном супермаркете не встретишь.

Имея в запасе немного времени, я зашла в спальню и открыла прикроватную тумбочку, где люди чаще всего хранят свои секреты. Внутри нашла старого потрепанного плюшевого мишку и револьвер. Когда Блю вернулась, я лежала на диване, притворяясь, что ее появление меня разбудило. Блю обошла весь дом.

– Ты видела револьвер, да? – сказала она, глядя мне в глаза.

– Да, – ответила я. Не было смысла отрицать.

– У меня есть муж. Хотя я его считаю скорее бывшим мужем, – произнесла она будничным тоном, словно это объясняло наличие револьвера у кровати.

– Он жестокий? – спросила я, почти сразу поняв, что ответ очевиден.

Раньше я не замечала, что у Блю над бровью белеет шрам, а левый глаз слегка опущен. Повреждение нерва. Я однажды видела такое, в баре Фрэнка. Имени той женщины я так и не узнала. Они с мужем были проездом в городе, и ее затравленный взгляд я буду помнить долго. Однако у Блю все по-другому: какие бы события с ней ни произошли, она лишилась разве что совести. Сейчас она будто живет вверх ногами.

– Не менее жестокий, чем я, – ответила Блю. – Впрочем, так было не всегда.

– Что с тобой случилось?

О себе я рассказала все, а про свою собеседницу знала только то, что посетители бара «Стаканчик у Мэй» зовут ее Блю и что она скрывается от бывшего.

– Меня звали Дебра Мейз. Потом я вышла замуж, стала Деброй Рид. Несколько лет работала учительницей в третьем классе, пока могла более-менее прилично выглядеть перед детьми. А потом мне пришлось бежать, и двоюродная сестра, с которой мы похожи как родные, отдала мне свои старые водительские права. Сейчас я Карла Райт и, если не подам заявку на кредит, буду обходиться этим именем. Хотя рано или поздно прошлое меня настигнет. Как и тебя.

– Долго ты с ним жила?

– Семь лет.

– А давно сбежала?

– Полгода назад, – ответила Блю. – Увидев твой паспорт – а это лучшая подделка на моей памяти, – я решила, что тебя подослал он. Мне и в голову не пришло, что ты в яме поглубже моей собственной.

– Извини, я втянула тебя в свой бардак...

– Не извиняйся. Однажды ты можешь оказаться в моем бардаке. Тогда и сочтемся. – Блю открыла шкаф, битком набитый полотенцами и постельным бельем, и достала одеяло и подушки. – Тебе надо поспать, да и мне тоже. Когда вздремнешь, туман немного рассеется.

Она ушла в спальню, закрыв за собой дверь. Я взяла бутылку бурбона, отхлебнула из горлышка, сняла туфли и с головой накрылась одеялом, чтобы спрятаться от солнца, светившего прямо на диван. Я чувствовала себя изможденной, словно мое тело вот-вот откажется мне служить, однако разум не мог успокоиться. В памяти на повторе воспроизводилась сцена аварии. Каждый раз она начиналась с тошнотворного ощущения в животе – я сижу на пассажирском сиденье, беспомощная, чьи-то руки сжимают руль, костяшки пальцев белеют, под кожей дергаются сухожилия, нога давит на газ...

Во сне я знаю, что нужно делать, ведь раньше я не посмела. Я снова и снова прокручивала сцену в голове. Он за рулем, я смотрю на его лицо. Помню секунду, когда он принял решение. Его глаза ожесточились. Я понимаю, что прошлое не предотвратить, что я должна была предвидеть это и что я предугадала его действия. Это случилось десять лет назад, а как будто лишь вчера, и казалось, может случиться опять.

Я делаю то, что должна была сделать в первый раз. Бью его ногами в лицо. Он отпускает руль, и автомобиль, перелетев через ограждение, падает в холодное озеро. Мы медленно тонем. Я действую без колебаний. Отстегиваю ремень безопасности и опускаю стекло, пока машина не ушла под воду полностью. Он без сознания. Я могла бы его вытащить, но он выглядит таким умиротворенным... И я решаю его оставить. Потом оглядываюсь на заднее сиденье, вижу другого пассажира. На мгновение задумываюсь, не бросить ли и его. А потом чувствую ледяную воду, которая льется на меня из окна. И резко просыпаюсь.

Блю сидит в кресле и смотрит на меня.

– Приснился кошмар?

– Нет. Обычный сон.

Сон, который я вижу вновь и вновь, – лишь фантазия о том, что я должна была сделать. Тогда я стала бы свободной.

* * *

10 июня 2008 г.

От кого: Джо

Кому: Райан

Я вышла замуж. У меня новое имя. Лучшее, чем прошлое. Тебе его не назову. Пусть у тебя будет оправдание. Не придется лгать, если ты не знаешь, как меня теперь зовут. Нужно ли мне оглядываться через плечо, или меня все уже позабыли?

Мой муж – пусть он будет Лу – вполне ничего. В юности я мечтала о ком-то получше, чем вполне ничего. Хотя и недолго, ты был моим лучше-чем-вполне-ничего. И вот что из этого вышло. Так или иначе, у меня есть только ты. Ты и Лу.

Какие у тебя новости?

Джо

21 июня 2008 г.

От кого: Райан

Кому: Джо

Поздравляю. Наверное. Я только что выпил восемь порций бурбона в «Бродягах», отпраздновать твоё событие. Хотя не уверен, что слово «отпраздновать» подходит.

Кто он? Какой он? Ты его любишь?

Желаю долгой и счастливой жизни с мужчиной, который понятия не имеет, кто ты на самом деле. Я бы дал тебе совет, но, по словам моих родителей, секрет крепкого брака заключается в том, чтобы никогда не находиться вместе в одной комнате.

Черт, ты вышла замуж... Полагаю, мне надо продолжить праздновать.

Р.

30 августа 2008 г.

От кого: Джо

Кому: Райан

Не знай я тебя так хорошо, подумала бы, что ты ревнуешь.

Нет, Райан, я его не люблю. Однако выйти замуж, или, точнее, обзавестись новым именем, было мудрым решением. Кроме того, у меня появился не просто муж, а муж вместе с работой. Лу владеет баром. А я там подаю напитки. Карьера, конечно, так себе, однако лучше, чем уборка квартир, которой я занималась первый год. Нас поженил Отис, местный автомеханик. Он служит в храме Святых Запчастей. Ради нашей церемонии он даже вычистил грязь из-под ногтей. Я была очень тронута. Когда Отис сказал: «Пока смерть не разлучит вас», я подумала, хоть бы семья Лу не славилась долгожителями. Будет чудом, если нас хватит на пять лет. Зато у меня новое имя.

Так я живу сейчас. Но это не единственная моя жизнь. Закрыв глаза, я попадаю в другой мир, в альтернативную реальность. Той ночью ничего не произошло. А если и произошло, то нас не коснулось. Мы выполнили все свои обещания. Я в деталях представляю нашу с тобой дешевую однокомнатную квартирку. Она на третьем этаже. Жаркими летними ночами мы сидим на пожарной лестнице, пьем пиво и смотрим на звезды. Мы бы и сейчас могли там сидеть.

Увы, это лишь фантазии. Так расскажи мне, что происходит в настоящем мире. Что я пропустила?

Джо

5 октября 2008 г.

От кого: Райан

Кому: Джо

Наверное, нам лучше поставить точку. Эту переписку я не планировал. Ты получила шанс на нормальную жизнь. Хватит думать о том, как все могло бы обернуться. Вдруг тебе нужно просто дать Лу шанс? Давай не будем писать друг другу. Ты ничего не пропустила. Живи своей жизнью, Джо. Прошу тебя.

Р.

5 ноября 2008 г.

От кого: Джо

Кому: Райан

Не проси меня исчезнуть. Я сделала как мне сказали. И я достаточно молчала. А пока хочу продолжать. Не разочаровывай меня, и я не разочарую тебя.

Джо

Глава 5

Потребовалось несколько дней, чтобы уложить все в голове. Век Амелии Кин оказался недолог. Я думала позвонить старому другу, который был передо мной в неоплатном долгу, однако после инцидента с коллегами мистера Оливера рисковать не хотелось. Неизвестно, на чьей стороне этот старый друг. Пришлось смириться с тем, что помощи ждать неоткуда. Я нуждалась в новом имени. Жаль, ведь на Амелию Кин я возлагала большие надежды... А еще я не знала, что делать с машиной. Водить автомобиль, зарегистрированный на Таню, было опасно, Амелия тоже стала обузой.

На две недели, с конца марта до начала апреля, я затаилась в доме Блю, платя за жилье уборкой и покупкой продуктов на свои тающие сбережения. Чтобы не терять из виду расследование загадочной автоаварии, регулярно читала новости. Полиция полагала, что в машине с убитыми находились двое неизвестных. Личности погибших еще предстояло установить, поскольку за их телами в морг никто не явился. Я не сомневалась в том, что важную информацию полицейские держат в тайне от прессы. По моему глубокому убеждению, не сегодня завтра в наш домик должен был ворваться спецназ. Любой шорох листьев или урчание автомобильного двигателя за окном подпитывали мою тревогу. Я начинала пить еще до обеда – чтобы успокоить нервы и приглушить постоянную вибрацию окружающего мира.

Ночами я вела наблюдение за главным домом. Всегда были включены только два светильника, один наверху и один внизу, и всегда мерцал дрожащий свет телевизора, спрятанного за непрозрачными занавесками. Телевизор работал всю ночь, но свет наверху гас, как по часам, в четверть одиннадцатого вечера. Блю навещала старушку после смены в баре и, выходя из дома, выключала свет внизу. Пожилая дама – в конце концов я узнала, что ее зовут Мирна, – была прикована к своему особняку: артрит, глаукома, деменция. Лишь несколько раз я видела тень Мирны, шаркающей по дому: она ходила из одной комнаты в другую. Блю сказала, что Мирна и в молодости чуралась людей. Выходила на улицу реже, чем случаются солнечные затмения, и только когда тетя Блю, Грета, грозила, что бросит ее, если она будет сидеть в доме безвылазно. Блю мне велела не беспокоить Мирну: старушка с недоверием относится к новым людям. Что ж, понятно. Я вообще ко всем людям относилась с недоверием.

Я провела в доме Блю всего две недели, но для меня будто прошли месяцы. Мне казалось, что я стремительно падаю на дно оврага. Я начала по утрам читать некрологи – они приносили мне некоторое утешение и напоминали, что я не единственная, чье время истекает. Молодыми умирает гораздо больше людей, чем мы думаем.

Тогда мне и пришла мысль, что именно в местном морге можно найти себе следующую личность. Каждый день я просматривала некрологи в поисках кандидаток. Сначала мои критерии были довольно просты: требовалась женщина, которая скончалась молодой и жила одна. Я рассказала Блю о своем плане, и она тоже захотела участвовать в этом предприятии. Мы решили объединить усилия и договорились: личность забирает тот, кто больше похож на покойницу.

Мы надевали черные платья, делали строгий макияж и ехали по адресу, указанному в газете. В первый раз попали на похороны Джоан Клейтон. Она была всего на два года старше меня, умерла от рака яичников. В похоронном бюро «Маркер и семья» поставили рядом с открытым гробом ее большую фотографию. На снимке она выглядела еще здоровой и цветущей. Вероятно, фотографировалась несколько лет назад. У нее были пухлые, похожие на персики щечки, а изможденное тело в гробу принадлежало словно какой-то самозванке.

– Интересно, какой у нее был рост? – деловито прошептала мне на ухо Блю.

– Не знаю. Только она не похожа ни на одну из нас. Причем ни до смерти, ни после. Ничего не выйдет.

К нам подошел пожилой мужчина – возможно, отец Джоан.

– Кажется, мы с вами не встречались, – произнес возможный отец.

– Соболезную вашей утрате, – ответила Блю.

– Вы знали мою Джоан?

– Да, разумеется, – кивнула Блю.

– Вместе учились в школе?

– Да. Учились в школе.

– Я вроде бы знал всех школьных друзей Джоан.

– Мы скорее были приятельницами, – ответила Блю. – Однако я решила приехать и почтить ее память.

– Школа имени Гровера Кливленда или Ван Бюрена? – спросил отец.

– Кливленда, – наугад выбрала Блю. Ее голос звучал уже не так уверенно.

– Когда вы уехали из Хьюстона?

– Несколько лет назад. – Блю поняла, что беседу надо как можно скорее заканчивать.

– А Джейкоба вы знали?

– Нет. Боюсь, нам не довелось с ним встретиться. Что ж, не буду вам мешать. – Блю попятилась к выходу. – Примите мои соболезнования.

Она развернулась и зашагала по проходу к двери. Я последовала за ней.

* * *

Следующие похороны были Лоры Картрайт. Двадцать восемь лет, покончила жизнь самоубийством. Всего на два года моложе меня. Согласно некрологу, у нее остались мать, отец и муж. Детей не было. В похоронном бюро «Хаммель и сыновья» собралось около двадцати человек. Рядом с гробом висела фотография Лоры. Она была светловолосой и голубоглазой, как и Блю, но такой пухлой – на самом деле, скорее тучной, – что мы с трудом различали черты ее лица.

Мы с Блю рассматривали огромную женщину в гробу.

– Пулевых отверстий нет, следов на шее тоже. Наверное, таблетки, – предположила Блю.

– Скорее всего.

– Я могу в нее превратиться, – сказала Блю. – Надо только завтракать десятком пончиков.

– Тут целую пончиковую фабрику придется слопать, – возразила я.

К нам приблизился мужчина.

– Вы ее подруги? – спросил он.

– Да, – ответила Блю. – Хотя не виделись уже много лет. А вы были с ней близки?

– Можно и так сказать. Я ее муж.

– Мои соболезнования, – проговорила я.

– Спасибо. Я должен был это предвидеть. Но она вела себя так, словно все хорошо...

Когда он с нами заговорил, у меня по спине побежали мурашки. Что-то здесь не так.

– Она страдала от депрессии? – спросила я.

– Я не замечал, – ответил мистер Картрайт. – Судя по всему, страдала. Мы пытались завести ребенка. Безуспешно.

– Я не вижу никаких ран. Приняла таблетки? – продолжила я.

Блю стиснула мой локоть в знак предостережения, однако мистера Картрайта, похоже, мой интерес тронул.

– Налила антифриз себе в лимонад.

– О господи! Какой ужас. Такая молодая... Как вы познакомились? – спросила я.

– В баре. Она там всех затмила своей красотой. С тех пор набрала несколько кило, – сухо проговорил он.

– Вы долго были женаты?

Блю ущипнула меня за руку, уже сильнее.

– Пять лет. Как, вы сказали, ваше имя?

– Джейн Грин, – ответила я. Впутывать Амелию Кин не стоило.

– А вы откуда знаете Лору?

– Учились вместе в начальной школе.

– И с тех пор не общались?

– Нет. Увидела в газете ее некролог и решила отдать дань уважения.

– Уверен, она бы оценила.

– Было приятно с вами познакомиться, – сказала я. – Простите, вы не назвали своего имени...

– Лестер. Лестер Картрайт. Вы знакомы с Келли Блок, подругой Лоры? Она тоже ходила с Лорой в одну начальную школу.

– Не припомню. Столько лет прошло с тех пор... Извините, мне нужно в дамскую комнату.

Блю последовала за мной в туалет, и мы дождались, пока все рассядутся по местам, а Лестер начнет произносить надгробную речь. Ораторским искусством он явно не владел.

– Лора ушла слишком рано, – сказал он. – Сейчас она в лучшем мире.

– Терпеть не могу эту фразу, – пробормотала Блю себе под нос, когда мы открывали тяжелые деревянные двери похоронного бюро.

На парковке она начала меня упрекать в излишней напористости.

– Тебе лучше держаться в тени, особенно если я решу стать Лорой Картрайт. По-моему, она мне подходит. Теперь надо придумать, как все перевернуть. Наверное, нужно позвонить ее родителям и выведать номер социального страхования. Было бы намного проще, если бы получилось достать ее водительские права и документы.

– И где же мы их возьмем? – спросила я.

– Не похоронят же ее вместе с сумкой. Надо проследить за мужем, а потом пробраться в их дом, когда никого не будет.

– Ты что, серьезно?

– Есть идеи получше?

Идей у меня не было. Мы сели в «Фольксваген», повернули за угол и остановились позади старого клена. На нем, будто ладони, недавно раскрылись молодые листочки.

За последние годы я не сделала ничего значительного, но один навык освоила в совершенстве. Я вижу, когда мужчина лжет. Черное сердце я узнаю с первого взгляда.

– Он ее убил, – сказала я.

– Кто? Муж?

– Да.

– Откуда ты знаешь? – спросила Блю.

– Жена скончалась меньше недели назад, а он уже критикует ее лишний вес. Это ненормально.

– Может, и ненормально, но доказательств нет.

– Никто не убивает себя антифризом. Есть много способов получше, – сказала я.

– И что теперь, отправить копам анонимную записку?

– Нет. Если ты хочешь взять ее имя, не стоит привлекать внимание к ее смерти.

– Разве нам важно, как она умерла? – спросила Блю.

– Думаю, нет.

– Я бы хотела примерить на себя Лору Картрайт. Посмотрим, вдруг подойдет...

Мы дождались, пока закончится церемония прощания, и пристроились за красным «Джи-Эм-Си Сиерра» Лестера. Он проехал несколько километров до пригорода под назва-

нием Фэйрвью и остановился перед белым деревянным домом. Лужайку перед ним покрывали коричневые пятна, а на веранде стояла старая мебель. Следующий час мы дежурили в машине Блю. Когда Лестер наконец вышел, он оглядел весь квартал, словно проверяя, нет ли за ним слежки, и укатил куда-то на своем пикапе. Блю вышла из машины.

– Напиши мне сообщение, если кто-то появится у дома, – сказала она.

– Что ты собираешься делать?

– Влезу в дом и попробую найти ее бумажник.

Я стала ждать Блю, ссутулившись на водительском сиденье. Нервничала так, что под кожей, казалось, летают ракеты. Вздрагивала от любого перезвона колокольчика и шелеста листьев. Через полчаса я отправила Блю сообщение:

Уходи оттуда. Мы рискуем.

Блю ответила:

Пока ищу.

Мимо проносились автомобили. Не знаю, замечали меня их водители или нет, но кто-то мог запомнить незнакомую «Джетту», припаркованную неподалеку. Женщина средних лет в домашнем халате поливала газон и смотрела прямо на меня.

Вдруг появился красный пикап. Он свернул к дому, и я написала сообщение:

Он вернулся. Уходи.

Блю не ответила. Лестер достал из багажника упаковку пива и пакет с продуктами. Затем поднялся на крыльцо, отпер дверь и вошел в дом. Блю не было видно.

Где ты? Он в доме.

Через десять минут Блю выбралась через окно ванной и не спеша подошла к машине.

– Поехали, – сказала она.

Я завела двигатель и медленно выехала на шоссе.

– Что там случилось?

– Документы я не нашла, – с сожалением сказала Блю. – А даже если б нашла, вряд ли что-то получилось бы. Я не смогла бы устроиться на работу по номеру ее страховки, поскольку муж наверняка подаст заявление на пособие в связи со смертью. Знакомых в департаменте автотранспорта у меня нет, пришлось бы пользоваться правами с фотографией, на которой очевидно не я. И неважно, сколько пончиков я съем.

– Должно же быть какое-то решение, – ответила я.

– Наверняка. Просто мы до него пока не додумались.

Глава 6

Я не понимала, как вести себя с Блю. Я никогда ей не доверяла и все же была перед ней в долгу, потому что под ее крышей мне жилось относительно неплохо. Она работала по ночам, и днем я старалась ее не беспокоить – в случае конфликта идти мне было некуда. Блю больше ничего не рассказывала о своей прежней жизни. Работала учительницей, вышла замуж за садиста по имени Джек. Когда я выпрашивала подробности, она уклонялась от ответа или обходилась туманными намеками. Однажды я спросила ее о детских годах. «Обычное детство, как у всех. Бегала, играла и все такое». Потом спросила ее о семье. «Обычная семья», – ответила Блю. Не помню, чтобы в доме Блю я хоть раз выпалась как следует. Мне постоянно казалось, что я проснусь – а у моего виска револьвер...

Впрочем, тревожилась я не только насчет Блю. Моим главным врагом оставался мистер Оливер. Я пыталась просчитать его следующий шаг. Где начать поиски одинокой женщины, которая похожа на всех одиноких женщин в Остине? Иногда хорошо ничем не выделяться.

Библиотеки Остина стали мне вторым домом. Чтобы меня не начали где-то узнавать, я посещала каждый филиал не чаще одного раза в неделю. Ярборо, Твин-Оукс, Норт-Виллидж, Карвер и Фолк-Сентрал – я старалась встать из-за компьютера до того, как дети выходят из школ. Если попадала в послеобеденный час пик, то бродила между полками и просматривала книги о путешествиях, притворяясь, что моя воображаемая новая жизнь – всего лишь долгожданный отпуск.

Я проверила, как идет расследование смерти моего недавно почившего супруга. В отчете патологоанатома утверждалось, что Фрэнк умер от удара тупым предметом по голове. Удар тупым предметом может случиться из-за того, что череп сам прилетел на неподвижный твердый предмет, вроде края лестницы, только в газетах об этом никогда не писали. Мною по-прежнему «интересовались», в основном потому, что я исчезла сразу после его смерти. Место-нахождение мое до сих пор не было установлено. Не сбеги я тогда, возможно, все обошлось бы и у меня остались дом, имя и жизнь без Фрэнка. Я подумывала вернуться, однако теперь, когда я вызвала гнев мистера Оливера, а соседи считали меня черной вдовой, едва ли возвращение пройдет гладко.

Чтобы отвлечься от живых, я переключилась на некрологи. Нашелся многообещающий труп Шарлотты Кларк. К такому имени я могла бы привыкнуть. У нее остались только сестра, племянница и племянник. Я записала информацию о похоронах и поехала назад к Блю.

* * *

Когда я открыла дверь, Блю сидела на диване и смотрела новости. Ее нога стучала по ковру, как отбойный молоток. Она выключила телевизор и встала.

– Наконец-то. Пришла. Я тебя жду битый час.

Блю всегда удавалось хранить ледяное спокойствие айсберга, но сейчас она была напряженной, словно ей вкололи пару доз адреналина. Я начала нервничать еще больше, чем обычно.

– Все хорошо?

– Однажды будет. А теперь нам пора ехать.

– Куда?

– Расскажу в машине, – отрезала Блю.

Она вышла за дверь и дождалась, пока я последую за ней. Подойдя к машине, бросила мне ключи:

– Полагаю, ты хочешь за руль.

Мы молча сели в машину, и я повела ее по извилистому проезду.

* * *

Небо потемнело. Следуя отрывистым указаниям Блю, я объехала вечерние пробки. Направо, налево, налево и прямо, направо.

– По трассе двести девяносто на восток километров сорок пять, потом сверни на двадцать первую.

– Объяснишь мне, куда мы едем?

– На небольшую экскурсию, полюбоваться природой, – ответила Блю.

– Ночью?

– Да.

– Природой любоваться лучше днем.

– Ночью меньше туристов.

Блю, похоже, не была настроена на беседу, а я не хотела допытываться. Больше никто из нас не проронил ни слова, пока она не велела мне повернуть направо на трассу FM-60. Движение стихло, и я разглядела табличку с названием национального парка. Темнота и тишина наталкивали меня на мрачные мысли.

– Ты же не убьешь меня там, Блю?

Она глубоко вздохнула. Расшифровать значение этого вздоха я не смогла. Блю открыла бардачок и вынула револьвер. От неожиданности я не удержала руль, машину мотнуло на встречную полосу. Казалось, вся кровь в моих жилах застывает в лед. Раздалось гудение встречного грузовика; я выровняла машину и попыталась унять бешеный стук в груди.

– Тебе нужно успокоиться, – проговорила Блю. Она открыла барабан револьвера и высыпала патроны. – Бери. И перестань думать о всякой ерунде.

Она положила патроны в мою ладонь. Я сунула руку в карман куртки и пересчитала их, отпуская по одному. Один. Два. Три. Четыре. Пять...

– Притормози, когда увидишь указатель на Парк-роуд, пятьдесят семь. Мы едем туда, – сказала Блю.

– Я не в настроении для экскурсий.

– Мы ненадолго.

Вот и национальный парк «Лейк Сомервилл». Пункт смотрителей был закрыт. Дорогу перекрывала цепь без замка, поэтому Блю просто вынула крюк из проушины, и мы проехали по проселочной дороге. Когда я остановилась на пустыре, Блю взяла с заднего сиденья фонарик, вышла из машины и зашагала по короткой тропе, ведущей к кемпингам. Я последовала за ярким лучом. Стояла тишина, только гравий хрустел под ногами и ровно стрекотали сверчки. Места для разведения огня выглядели заброшенными.

Блю вернулась к машине. Я снова последовала за ней. Она передала мне фонарик и открыла багажник.

– Сохраняй спокойствие. Ты сможешь не паниковать, ради меня, Амелия?

Блю не стала дожидаться ответа и открыла багажник. Внутри оказалось свернутое большое одеяло. Я подошла поближе и поняла, что из одеяла торчат ботинки. Точнее, мужские ботинки размером не меньше сорок пятого. Я медленно повернула фонарик, чтобы увидеть голову, – на одеяле чернело огромное пятно крови. Рядом с телом лежала лопата.

– Ты что, кого-то убила, Блю?

Вопрос был глупый.

– Очевидно, да, – ответила Блю таким тоном, будто я интересовалась, купила ли она молока.

– Кого?

– Амелия, позволь представить тебе моего мужа, Джека Рида. Жаль, что вы встретились при таких обстоятельствах.

Пока мы с Блю тащили Джека в лес – настолько далеко, насколько хватит наших сил, – она выдала мне скудные сведения: Джек нашел Блю, пытался ее убить, но вместо этого погиб сам. Из ее уст все звучало просто, как сосчитать до трех.

Джек узнал, что у Блю есть тетя, и нашел несколько писем, написанных до смерти Греты, с адресом ее дома, четко выведенным на конверте. Он поехал в Остин, по последнему известному адресу некой Греты Майлз. Покараулив у дома меньше суток, увидел свою жену. Вскоре после того, как я ушла в библиотеку, Джек постучал в ее дверь. Однако Блю заметила его еще на подъездной дорожке. Спрятав за поясом револьвер, пригласила Джека войти. Когда он вытащил нож, она выхватила ствол и повела его к своей машине. Засунуть тело в машину не так просто, да и разводить беспорядок в доме ей не хотелось, поэтому она выстелила брезентом багажник и попросила Джека самостоятельно в него залезть. Он подчинился. И Блю тут же его застрелила. Вот почему так много крови.

– Если б мне велели забраться в багажник, выстеленный брезентом, я бы точно сопротивлялась, – сказала я. – Все равно что самой в гроб ложиться.

– С дулом у виска человек может сделать что угодно, даже лечь в гроб, – ответила Блю.

– Не поспоришь.

В лесу пахло сосной, дубом и тем ароматом чистоты, который бывает только на природе. От Джека пахло батарейками на девять вольт. Блю первой принялась рыть могилу. Когда ее дыхание стало хриплым, а по лбу, несмотря на ночной холод, ручьями потек пот, я переняла эстафету, хотя и не осознавала тогда, что не обязана хоронить чужого мужа. На самом деле я понимала, что становлюсь соучастником убийства, но, учитывая предыдущие два трупа, еще одно обвинение казалось каплей в море. В тот момент я посчитала почти мудрым решение поехать назад в дом Блю и скрываться от наказания за то, чего я не совершала.

Сначала шла мягкая глина. Потом копать стало тяжелее, и каждый раз приходилось давить на лопату всем весом.

– Какой глубины должна быть яма? – спросила я.

– На кладбищах делают около двух метров. Думаю, нам хватит и полутора.

Похоже, Блю рыла могилу не впервые. Или много об этом размышляла.

На подходящего размера яму у нас ушло два часа. Блю столкнула мужа в могилу. Одеяло слетело, открыв изувеченное лицо. Я отвела взгляд и постаралась сдержать рвотные позывы.

– Извини. – Блю пожала плечами.

Она лопатой накинула одеяло на голову трупа и начала закапывать яму. Вскоре над могилой вырос небольшой холмик.

– Так не пойдет, – пробормотала Блю.

Она побродила вокруг, собирая камни и мох, а затем выложила ими место упокоения Джека и с минуту осматривала результат своей работы. Или, может, она так отдавала усопшему дань уважения.

– Прощай, Джек, – сказала Блю. – Извини, что все так закончилось. Сам виноват.

Никогда не видела панихиды короче этой. Даже я нашла время, чтобы помянуть Фрэнка стаканчиком бурбона. Впрочем, я-то Фрэнка не убивала. Не уверена, уместно ли произносить надгробную речь о том, кого ты сам же и убил. Или, наоборот, в таком случае речь обязательна?

Блю взяла лопату и пошла к машине. Я следовала за ней, освещая путь фонариком.

По дороге домой мы сначала молчали. Мне хотелось верить, что Блю чувствовала зуд совести и мысленно искала способ почесаться.

– Ну как ты? – спросила я. Не для того, чтобы завязать разговор или разрядить обстановку. Я задала вопрос, потому что до сих пор не научилась понимать Блю.

Она не выглядела испуганной или виноватой. Просто застыла с меланхоличным выражением глаз, словно блуждая в каких-то мыслях. Ее лицо выражало невозмутимое спокойствие: ни одной хмурой морщинки, ни одной повисшей на ресницах слезы. Я не знала Джека и не убивала его, но я определенно чувствовала больше вины, чем Блю, хотя ее роль в произошедшем была куда масштабней моей.

– Чувствую себя свободной, – честно ответила Блю.

Я хмыкнула. По моему опыту, оставляя за собой труп, становишься намного менее свободной.

– Мне больше не нужно убегать, – сказала она.

– От Джека не нужно. Теперь, вероятно, придется бегать от полиции.

– Вряд ли он кому-то проболтался, что поехал меня искать. А я, согласно плану моего драгоценного покойника, должна была умереть. Джек из тех людей, кто исчезает молча. Или находит того, кто поможет ему исчезнуть.

– Неужели все так просто? – спросила я.

– Конечно, нет, – ответила Блю. – Мне еще предстоит отмыть багажник от крови. А на это уйдет не один час.

* * *

20 июля 2009 г.

От кого: Джо

Кому: Райан

Ладно, признаю, вы все проделали огромную работу, чтобы никто про меня не узнал. Теперь можете считать, что никаких секретов не осталось. Хотя человеку вроде меня, то есть скучающему и живущему прошлым, не составляет труда найти разные веб-сайты и форумы, можно читать комментарий за комментарием, пока не доберешься до самых интригующих. Ты лежал в психиатрической клинике? Поэтому и не писал мне более полугода...

Зачем скрывал? Я успокоилась, когда все узнала. Я, конечно, не радуюсь твоей болезни, но мысль о том, что даже ты иногда сам с собой не ладишь, меня слегка приободряет. Подробности о своем гнезде кукушки можешь не рассказывать. Однако и скрывать ничего не нужно.

Я бы, наверное, тоже там оказалась, будь моя жизнь менее напряженной. Бдительность держит в тонусе. У дикого зверя нет времени на меланхолию.

Итак, в психушке ты докопался до корня своих проблем?

Джо

14 августа 2009 г.

От кого: Райан

Кому: Джо

Я там никому ничего не сказал. Ты ведь это хотела узнать? За полгода я почти ни слова не произнес, поэтому, вероятно, меня и держали так долго. Иногда хотелось выговориться. Врачи все равно обязаны хранить тайны пациентов. Но я не желал облегчать свою ношу. Да и ты мне этого не желаешь.

3 сентября 2009 г.

*От кого: Джо
Кому: Райан*

Я изменилась, Райан. Ты не можешь знать, чего я тебе желаю.

Хранить такие тайны чревато. Они всегда находят, как проявиться. В прошлом году Фрэнк отправил меня в церковь – думал, что мне нужна помощь священника. Мне снились кошмары, и его пугали мои крики среди ночи. И, что важнее, они прерывали его драгоценный сон. Поэтому я пошла к священнику, и тот предположил, что причина кошмаров – чувство вины. Наверное, решил, что я обманываю мужа, воруя деньги из кассы, например. Я сразу поняла: меня подозревают в мелких заурядных грешках домохозяйки. Его тон показался мне оскорбительным, и я покалась. Не в самом преступлении, но в том, что к нему привело.

Я вошла в кабинку; такие часто показывают в гангстерских фильмах, с решетчатой перегородкой. Тут же узнала отца Пола, однако сделала вид, будто мы только что не беседовали целый час. И началась моя псевдоисповедь. В юности, мол, я влюбилась в одного мальчика. А он меня отверг. Я пила, пила до беспамятства. Потом села в машину и поехала. Наверное, сказала я священнику, я потеряла сознание. Потому что следующее воспоминание – я в больнице. Мне объяснили: я попала в автомобильную аварию и выжила, а девочка, которая отбила у меня любимого, погибла. Священник спросил, наказана ли я за свое преступление. Я ответила, что наказана. Ты ведь согласен? Он велел мне прочесть десять раз «Богородицу» и двадцать раз «Отче наш». Я нашла молитвы в интернете и сделала, как мне сказали. Кошмары прекратились на несколько недель, а затем вернулись. Хотя, может, просто совпадение.

Ты тоже попробуй. Вдруг и твоя душа получит несколько недель отдыха.

Джо

30 сентября 2009 г.

*От кого: Райан
Кому: Джо*

Кто такой Фрэнк? Ты имела в виду своего мужа Лу? Вряд ли это его настоящее имя, слишком незапоминающееся... Или ты проговорила и выдала мне секрет? Тогда – как там Фрэнк?

Не отвечай, не хочу знать о твоей новой жизни. Иногда я пытаюсь представить твой альтернативный мир, где мы стали такими, как мечтали. Однако в моей фантазии вечно все идет наперекосяк. Давай смотреть правде в глаза: мы всегда были ненормальными.

У меня новость. Возможно, тебе она понравится. Твоя мать бросила пить. Прошла девяностодневную реабилитацию. Всего три месяца, а выглядит совсем по-другому. Может, не так хорошо, как в твоём детстве, когда отец еще был жив и они держали магазин, но намного лучше, чем за все годы, что мы с ней знакомы.

Р.

3 октября 2009 г.

*От кого: Джо
Кому: Райан*

Кто оплатил матери реабилитацию? Насколько я знаю, страховка не покрывает такие программы. Она все еще с тем мужчиной, о котором ты писал? У которого главное достоинство в том, что он ее не бьет?

*Понятия не имею, почему меня это волнует.
Дж.*

12 октября 2009 г.

*От кого: Райан
Кому: Джо*

*Того парня я давно не видел. Ты прекрасно знаешь, кто платил. Зачем спрашиваешь?
Р.*

11 ноября 2009 г.

*От кого: Джо
Кому: Райан*

Ты прав. Я знаю, кто платил. За все остальное тоже? Как он относится к моей матери?

13 ноября 2009 г.

*От кого: Райан
Кому: Джо*

Не знаю. Не спрашивал.

15 ноября 2009 г.

*От кого: Джо
Кому: Райан*

Да, ты никогда ни о чем не спрашиваешь. Просто молча делаешь все, как прикажут.

Глава 7

Наша жизнь казалась бесконечной игрой в прятки. Блю вела себя как обычно, несколько не беспокоясь о настигшем ее прошлом. Наверняка Джек был плохим человеком и получил по заслугам. Я в свое время тоже встречала таких людей; порой я сама не прочь убить одного или даже парочку из них, однако не смогла бы дальше спокойно жить. Для меня это имело бы значение. Вполне вероятно, и я воспользуюсь случаем, если он представится, но точно не смогу так беззаботно напевать в душе прилипчивые мелодии из телерекламы, как это делает Блю.

Через несколько дней мои нервы наконец успокоились до уровня легкой вибрации, как у фортепианной струны после завершающей ноты. Я проверила свои финансы и поняла, что больше нельзя тратить и так ничтожные сбережения. У меня осталось чуть более семисот долларов, а продолжать бесплатно жить в доме Блю на правах гостя я не могла.

Начав впервые работать десять лет назад, я могла устроиться только уборщицей или горничной. Впрочем, работы я не боялась и готова была даже вкалывать на стройке. Родители моей давней подруги Эди Парсонс держали хозяйственный магазин. Мы иногда проводили там время после обеда. Мистер Парсонс многому нас научил. Я умела обращаться с молотком и пилой. В доме, где выросла, я обработала и перекрасила паркетные полы – когда получила пару десятков заноз на ногах и поняла, что матери нет до полов никакого дела. Однако после нескольких неудачных собеседований выяснилось, что мужчины не нанимают женщин на строительные работы. Они говорят, тебе не хватает квалификации, а на самом деле думают, что ты скоро сломаешься. В буквальном смысле.

Встретив Фрэнка, я пообещала себе, что дни работы в клининге прошли и никогда не вернутся. Мы даем себе много обещаний и большинство из них не выполняем. Я распечатала в библиотеке листовки с предложением своих услуг, сделав внизу бахрому из полосок с номером телефона. До первого звонка пришлось ждать всего пару дней.

Его звали Кайл. Судя по всему, убежденный холостяк. Он снимал двухкомнатную квартиру недалеко от городской администрации. По моему опыту, люди с небольшим достатком, которые любят чистоту, делают уборку сами. И их обычно все устраивает. Остальные нанимают горничных, чтобы их квартиры не превратились в гигантские чашки Петри. Кайл сказал, что его домработница уволилась. Вроде бы из-за какого-то несчастья в семье, но по запаху, который ударил мне в нос еще у порога, я поняла, что она просто испугалась.

Кайл сразу же нанял меня и ушел на работу. Скрытый неряха, он выглядел опрятно, но внешность обманчива. К тому же сердцеед, судя по коллекции использованных презервативов под кроватью. Я надела толстые желтые перчатки и хирургическую маску. С этой работой я сталкивалась не впервые, и только она когда-то держала меня на плаву, однако я так и не смогла ее полюбить. Выходя из дома, я не чувствовала удовлетворения от хорошо выполненного дела. Зато все, к чему я прикасалась, оставляло на мне невидимые отпечатки. Сколько бы я ни принимала душ, этот налет не смывался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.